

ОБЪЕДИНЕННЫЕ НАЦИИ

СОВЕТ БЕЗОПАСНОСТИ

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТЧЕТ

ТРЕТИЙ ГОД

303-е заседание • 24 мая 1948 года

№ 73

ЛЕЙК СОКСЕС, НЬЮ-ЙОРК

СОДЕРЖАНИЕ

Триста третье заседание

	Стр.
74. Предварительная повестка дня	1
75. Утверждение повестки дня	1
76. Продолжение обсуждения письма постоянного представителя Чили по вопросу о событиях в Чехословакии	1
77. Продолжение обсуждения палестинского вопроса	18

Документы, относящиеся к отчетам заседаний Совета Безопасности, но не приводимые в них полностью, печатаются в ежемесячных дополнениях к *Официальным отчетам*.

ТРИСТА ТРЕТЬЕ ЗАСЕДАНИЕ

Состоялось в понедельник 24 мая 1948 года в 2 ч. 30 м. дня в Лейк Соксес, Нью-Йорк.

Председатель: Александр ЦАРОДИ (Франция).

Присутствуют представители следующих стран: Аргентины, Бельгии, Канады, Китая, Колумбии, Сирии, Соединенного Королевства, Соединенных Штатов Америки, Союза Советских Социалистических Республик, Украинской Советской Социалистической Республики и Франции.

74. Предварительная повестка дня (документ S/Agenda 303)

1. Утверждение повестки дня.
2. Письмо постоянного представителя Чили при Организации Объединенных Наций от 12 марта 1948 года на имя Генерального Секретаря (документ S/694).
3. Палестинский вопрос.

75. Утверждение повестки дня

Повестка дня утверждается.

76. Продолжение обсуждения письма постоянного представителя Чили по вопросу о событиях в Чехословакии

По приглашению Председателя представитель Чили Э. Санта-Крус занимает место за столом Совета.

Ф. Эль-ХУРИ (Сирия) (*говорит по-английски*): В конце последнего из заседаний, которые были посвящены этому вопросу, (300-е заседание) я хотел заявить, что не возражаю против того голосования который предложен Председателем. В то же самое время, однако, я хотел бы отметить, что я лично предпочел бы другой порядок, а именно, чтобы в первую очередь был представлен на голосование проект резолюции, представленный на 281-м заседании представителем Чили, и, таким образом, Совет Безопасности, прежде чем решать, является ли этот вопрос процедурным вопросом или вопросом существа, имел бы перед собой что-то конкретное и члены Совета знали бы, какой проект резолюции был проголо-

сован. Если в результате голосования проект резолюции будет отвергнут, то не будет необходимости обсуждать другие аспекты вопроса. Если же против этого проекта резолюции будут поданы голоса одного или нескольких постоянных членов Совета Безопасности, то тогда, и только тогда, наступит для Председателя подходящий момент объявить свое решение и после объявления этого решения мы сможем обсудить этот вопрос о том, правильно ли оно или нет. Я считаю, что было бы удобнее и плодотворнее обсудить этот вопрос в Совете Безопасности в надлежащее время. Поэтому я предлагаю поставить на голосование основное предложение, т. е. проект резолюции, и затем, позднее, мы сможем обсудить другой вопрос.

В. А. ТАРАСЕНКО (Украинская Советская Социалистическая Республика): Я хочу кратко изложить позицию украинской делегации в этом вопросе, в вопросе голосования представленной нам резолюции. Ряд членов Совета в своих выступлениях настаивает, что эта резолюция относится к процедуре, а не к существу вопроса, что в этой резолюции разрешается ряд вопросов, которые, согласно Уставу Организации Объединенных Наций, предусматриваются как процедурные вопросы.

Украинская делегация считает, что при голосовании этой резолюции необходимо руководствоваться заявлением¹ четырех держав, к которым присоединилась Франция, и которое таким образом стало заявлением пяти держав.

О чем идет речь в этой резолюции? Действительно ли речь идет о предметах, которые не имеют значения существа вопроса? Нет; в резолюции идет вопрос о расследовании, которое затрагивает ряд государств и на основании которого придется принимать серьезное решение. В порядке тех выступлений, которые мы заслушали здесь на протяжении многочисленных заседаний Совета Безопасности по этому вопросу, стало ясно, о каких обвинениях идет речь. Стало ясно, что представитель Англии, представитель Соединенных Штатов и представители других государств предъявили ряд серьезных, но необоснованных обвинений по адресу республики Чехословакии и по адресу советского правительства.

¹ Текст этой декларации см. в «Документах Конференции Объединенных Наций о создании международной организации» (Documents of the United Nations Conference on International Organization), том XI (Комиссия III, Совет Безопасности), стр. 711-714 английского текста.

Был затронут также вопрос, обвиняющий правительство других восточно-европейских стран. Можно ли, на основании этого сказать, что вопрос идет только о каких-то формальностях? Нет. Вопрос идет о предъявлении обвинений ряду государств. Это уже не вопрос процедуры, это — серьезный вопрос существа.

Здесь раздавались возражения, что ряд государств считает себя не связанным заявлением пяти держав, но я должен напомнить, что это заявление есть результат соглашения, которое было заключено между пятью великими державами; оно носит такой же законный и юридический характер, как многие соглашения, достигнутые между этими пятью государствами в течение войны. Никто ведь сейчас не оспаривает законности этих соглашений; они носят вполне законный, юридический характер.

Кроме того, это соглашение является как бы органической, неразрывной частью Устава Организации Объединенных Наций. Без этого соглашения не была бы создана сама Организация Объединенных Наций. О чем говорит это соглашение? Оно говорит о том, что между великими державами было достигнуто взаимопонимание о создании самой Организации Объединенных Наций. Нет сомнения, что если бы не было достигнуто соглашения между великими державами, то и не была бы создана Организация Объединенных Наций.

Ни представитель Аргентины, ни представитель Канады, может быть, не имели бы возможности здесь и заседать в таком случае. Согласно пяти государствам — серьезный факт и с этим фактом приходится считаться. На основании этого факта мы можем судить о том соглашении, которое было достигнуто между пятью державами и которое было положено в основу Организации Объединенных Наций. Его легко отбросить сейчас, но мы не имеем права делать это, даже если кто-либо и хотел этого, даже если бы это и отвечало интересам какой-нибудь делегации. Односторонне отказать от этого документа — никакой делегации не дано права.

У меня возникает вопрос к представителю Соединенных Штатов и к представителю Великобритании: считают ли их правительства заключенные соглашения между пятью государствами обязательными для себя и в том случае, когда они не согласуются с их временными, *конъюнктурными* интересами? Я подчеркиваю: *конъюнктурными*. Почему? Потому что в соглашении отражены коренные интересы народов пяти держав. В этом соглашении отражен факт сотрудничества на длительное время. И если это соглашение по тем или иным соображениям, на том или ином этапе, кажется неудобным тому или иному правительству, то это еще не значит, что оно не отвечает государственным интересам и интересам народов. Поэтому я и подчеркиваю в своем вопросе: *конъюнктурными* интересами.

Попытка, которая здесь производилась, не дать возможности применить соглашение пяти держав при голосовании этой резолюции, является попыткой незаконной, не отвечающей не только ду-

ху и букве соглашения пяти держав, но также и духу самого Устава, ибо соглашение это является неразрывной частью этого Устава.

Вот, в чем заключается вкратце позиция украинской делегации в этом вопросе.

Сэр Александр КАДОГАН (Соединенное Королевство) (*говорит по-английски*): Представитель Украинской Советской Социалистической Республики задал мне вопрос. Если бы он оказал мне честь и выслушал в свое время мою речь [300-е заседание] или прочел стенографический отчет заседания, то он бы знал, что ответ на этот вопрос уже дан. Я в свое время заявил, что мое правительство придерживается Декларации четырех держав, сделанной в Сан-Франциско, и добавил, что мы придерживаемся ее в целом, а не в тех частях, которые кажутся нам удовлетворительными, как это делают некоторые другие делегации.

Ф. Эль-ХУРИ (Сирия) (*говорит по-английски*): Я хотел бы сослаться на сделанное мною ранее заявление, выражающее мнение моей делегации по поводу разногласий о том, является ли этот вопрос процедурным вопросом или вопросом существа [288-е заседание]. Глава VI наших правил процедуры, озаглавленная «Порядок ведения заседаний» и, таким образом, очевидно посвященная порядку процедуры включает правила 27-39, причем правило 28 гласит: «Совет Безопасности может назначить комиссию или комитет или докладчика по особым вопросам».

Так как наш вопрос подпадает под действие этой главы, посвященной порядку ведения заседаний, которое, по нашему мнению, может касаться только вопросов порядка процедуры, мнение моей делегации таково, что стоящий сейчас перед Советом Безопасности вопрос определенно является вопросом процедуры. Во всяком случае, Декларация, сделанная в Сан-Франциско, не накладывает обязательств на непостоянных членов Совета Безопасности и для нас нет необходимости обсуждать вопрос о том, накладывает ли она обязательства на постоянных членов Совета. Этот вопрос должны разрешить постоянные члены по своему усмотрению. Если Председатель даст отрицательное решение, они могут голосовать соответственным образом. Если же он разрешит этот вопрос в пользу применения права вето, то они могут голосовать против его решения или воздержаться, а остающиеся шесть непостоянных членов Совета не составят большинства, необходимого для принятия решения. Если все пять великих держав согласятся в том, что они связаны Декларацией, сделанной в Сан-Франциско, то они воздержатся от голосования против решения, подерживающего вето.

Таким образом, я считаю, что для нас нет необходимости в дальнейшем обсуждении этого вопроса. Когда Председатель объявит свое решение, и только тогда, постоянные члены могут решить, какому курсу следовать.

У. Р. ОСТИН (Соединенные Штаты Америки) (*говорит по-английски*): Я думаю, что вопрос, предложенный представителем Украинской Совет-

ской Социалистической Республики, сводится, по существу, к следующему: считают ли Соединенные Штаты и Соединенное Королевство, что заключаемые ими соглашения обязывают их даже в тех случаях, когда они не отвечают их временным интересам и практическим соображениям? Этот вопрос был задан после того, как уважаемый представитель Украины представил вниманию Совета Безопасности свои доводы в пользу признания данного вопроса вопросом существа. Его замечания относились к обвинениям, выдвинутым здесь, тогда как в предложенной резолюции на эти обвинения нет никаких указаний. Мы утверждаем, что та часть предложенной резолюции, в которой содержится постановление Совета, затрагивает только процедурный вопрос и гласит следующее:

«Постановляет назначить подкомитет, состоящий из трех членов, и поручает этому подкомитету принимать и заслушивать такие сообщения, заявления и показания и представить Совету Безопасности доклад о результатах своей работы в возможно короткий срок».

Согласно Уставу, это является вопросом строго процедурного порядка. Это есть осуществление права, предоставленного статьей 29, т. е. одной из статей, помещенных под общим заголовком «Процедура». Сам Устав относит этот вопрос к вопросам процедуры. Сама логика требует признания этого вопроса вопросом процедуры.

Однако, допуская, что могут быть сомнения в процедурном характере этого вопроса, допуская возможность разногласий по этому поводу, я хочу, чтобы в протоколе еще раз была отмечена точка зрения Соединенных Штатов относительно того заявления, на которое уважаемый представитель Украинской ССР ссылается как на имеющее обязательную силу соглашение. Для того, чтобы позиция делегации Соединенных Штатов по этому вопросу была зарегистрирована правильно, я повторю заявление, сделанное в свое время г-ном Даллес. На 113-м заседании Первого комитета Генеральной Ассамблеи 18 ноября 1947 г. г-н Даллес заявил:

«Существует два разных аспекта этого вопроса, по которым, пожалуй, следовало бы определить позицию, занимаемую Соединенными Штатами. Во-первых, каково наше отношение к заявлению четырех держав о процедуре голосования, сделанному в Сан-Франциско 7 июня 1945 г., к которому присоединилась также и Франция. Это заявление по самому содержанию своему было заявлением общей позиции».

Если сослаться на само заявление, то очевидно, что иначе его и нельзя рассматривать.

«Оно не предназначалось быть соглашением, и тем более соглашением, имеющим обязательную силу навсегда. Выраженные в нем взгляды были только частично включены в Устав и, поскольку они не были в него ясно включены, эти взгляды в целом никогда не были приняты Конференцией в Сан-Франциско. Это заявление основывалось на некоторых предположениях, которые в свете последующих событий показали свою несосто-

ятельность», — точно также как и сейчас выяснилась их несостоятельность. «Так например, в заявлении говорится: «Не следует считать, впрочем, что постоянные члены Совета будут умышленно прибегать к вето для того, чтобы затруднить работу Совета».

Предполагалось далее, что расследование фактов, производимое на основании главы VI, или обращение к государствам с тем, чтобы они уладили свои расхождения, приведет к так называемой «цепи событий», заканчивающейся мерами, предусмотренными в главе VII. Считалось также «маловероятным, что в будущем возникнет какой-либо вопрос большей важности, в связи с которым должно быть вынесено решение относительно того, применимо ли к нему процедурное голосование». События не оправдали ни одного из этих трех предположений.

Принимая во внимание все эти соображения, мы считаем, что стороны, подписавшие заявление в Сан-Франциско, имеют право рассмотреть вопрос о том, нельзя ли выработать более подходящую процедуру голосования, а если можно, то какую. Мы считаем, что если возможно выработать более подходящую процедуру голосования, то Соединенные Штаты не откажутся от нее только потому, что их позиция в этом случае не будет, быть может, вполне соответствовать их позиции 7 июня 1945 г. Мы, впрочем, не отказываемся от ранее нами занятой позиции до тех пор, пока этот вопрос не будет полностью изучен, и до тех пор, пока мы не будем уверены, какая именно позиция явится наилучшей».

Такова позиция делегации Соединенных Штатов и в настоящее время. Мы не отказываемся от позиции, которую мы заняли при подписании этого заявления; мы придерживаемся ее. Вы можете назвать ее как угодно: если это соглашение, то мы придерживаемся этого соглашения; если это заявление, то мы придерживаемся этого заявления.

Пункт 1 части I Декларации гласит:

«В ялтинской формуле голосования признается, что Совет Безопасности, при выполнении своих обязанностей в деле поддержания международного мира и безопасности, будет выполнять функции, могущие быть разделенными на две широкие категории. Согласно главе VIII², Совет должен будет принимать решения, которые влекут за собой принятие им непосредственных мер, связанных с улаживанием споров», — между прочим, в этой главе есть ссылка на предложения, сделанные в Думбартон Окс, — «урегулированием ситуаций, могущих привести к спорам, определением угрозы миру, устранением угрозы миру и подавлением нарушений мира. Он также должен будет принимать решения, которые не влекут за собой такого рода мер. В ялтинской формуле предусматривается, что решения второй категории подлежат процедурному голосованию, т. е. они принимаются большинством семи любых членов Совета. Решения же первой категории

² Номера глав и разделов, упомянутых в Декларации, относятся к обсуждавшемуся тогда проекту, а не к Уставу Организации Объединенных Наций, в том виде, в каком он был впоследствии утвержден.

требуют квалифицированного голосования, т. е. большинства голосов семи членов Совета, включая совпадающие голоса пяти постоянных членов Совета, с той оговоркой, что при принятии решений согласно разделу А и части раздела С главы VIII, заинтересованные в споре стороны воздерживаются от участия в голосовании».

Как бы ни рассматривать этот вопрос, Соединенные Штаты придерживаются того, что было уже сказано. Было ли это соглашение или заявление, Соединенные Штаты его придерживаются.

А. А. ГРОМЫКО (Союз Советских Социалистических Республик): Мы дискутируем уже на протяжении трех заседаний вопрос о том, в каком порядке мы должны принимать решение по чилийской резолюции. Все или почти все делегации высказали свое мнение по этому вопросу; высказала свое мнение и советская делегация.

Я должен опять повторить, что мы не собираемся ни на йоту отступать от тех обязательств, которые были взяты Советским Союзом согласно заявлению пяти держав в Сан-Франциско. Нравится ли это кому-нибудь, или не нравится, — мы будем последовательно выполнять эти обязательства.

Г-н Кадоган второй раз заявляет, что нужно руководствоваться не каким-либо одним пунктом из заявления пяти держав, а всем заявлением в целом. Само по себе заявление английского представителя не вызывает возражений. Действительно, нужно руководствоваться всем заявлением в целом и это как раз то, что делает советская делегация.

В пункте втором заявления пяти держав указывается, что Совет Безопасности может создавать вспомогательные органы путем принятия решений процедурным порядком. Разумеется, если бы по предложениям, предусматривающим создание вспомогательных органов, было достигнуто соглашение в Совете Безопасности, если бы не было возражений против соответствующих предложений того или иного из постоянных членов или нескольких из них, то по этому пункту не было бы никаких расхождений и вопрос о порядке голосования не возникал бы.

Пункт четвертый заявления пяти держав гласит, что если Совет Безопасности решает произвести расследование, то в таком случае решения Совета должны приниматься семью голосами, включая голоса постоянных членов Совета Безопасности. Если бы по всем таким соглашениям не было расхождения в Совете, то, естественно, не возникал бы вопрос о том, в каком порядке нужно принимать решения. Мы принимали бы решения в соответствии с пунктом четвертым, без всяких возражений.

Так обстояло бы дело, если бы возникал вопрос, предусматриваемый только в пункте втором, или вопрос, предусматриваемый только в пункте четвертом заявления пяти держав. Но по этому вопросу между нами нет соглашений. Представители Соединенных Штатов, Великобритании и некоторых других государств доказывают, что чилийская резолюция как-раз под-

падает под формулу и под определение, данное в пункте втором этого документа. Советская делегация, основываясь на этом документе, который не допускает двусмысленного толкования, утверждает, что чилийская резолюция подпадает под определение пункта четвертого заявления пяти держав и предусматривает производство расследования, — я повторяю: предусматривает производство расследования, — с каковой целью и вносится предложение о создании подкомитета.

Когда возникает расхождение в том, подпадает ли то или иное предложение под формулу пункта 2 или под формулу пункта 4 — иначе говоря, является ли то или иное предложение процедурным или не процедурным, — тогда мы должны руководствоваться особым пунктом, который составляет часть этого документа, а именно мы исходим (я обращаю внимание английского представителя на это заявление в целом) из содержания последнего пункта, который представляет часть этого документа и который гласит: «В случае если имеют место расхождения», иначе говоря, в случае если некоторые представители в Совете считают, что то или иное предложение является процедурным или не процедурным, — «Совет Безопасности решает предварительный вопрос: какое это предложение — процедурное или не процедурное». И при решении этого предварительного вопроса, для принятия положительного решения необходимо семь голосов Совета, включая голоса постоянных членов. Для этой цели и был включен последний пункт заявлений пяти держав.

Я удивляюсь, почему представитель Великобритании, который присутствовал на Конференции в Сан-Франциско, на всех заседаниях пяти держав и принимал участие в подготовке этого документа, сейчас делает такие заявления, которые расходятся с буквой, так и со смыслом этого документа.

Может быть, г-н Кадоган запросит на этот счет мнение главы английской делегации на Конференции в Сан-Франциско, с которым мы вместе писали этот пункт на заседании делегаций пяти держав и против которого английская делегация тогда не возражала. Может быть, полученное разъяснение поможет нам. Я повторяю, что г-н Кадоган присутствовал на этих совещаниях, и приходится только выражать удивление, почему он выступает теперь с заявлениями, которые противоречат позиции, занятой тогда Великобританией, и во всяком случае не совпадают с позицией, занятой ею в тот период, и не соответствуют духу и букве заявления пяти держав.

Говорят, что в заявлении есть специальный пункт, который гласит, что пять делегаций выражают надежду, что постоянные члены Совета Безопасности будут поменьше прибегать к «вето». Верно, есть такой пункт. Никто не отрицает наличия такого пункта в этом документе, и он сохраняет свое значение в качестве пункта, содержащего пожелание, чтобы постоянные члены Совета Безопасности поменьше прибегали к «вето». Но не вина Советского Союза, а вина тех государств, которые создают такую

обстановку, когда приходится прибегать к пользованию «вето». Это вина этих государств.

Я не буду распространяться на эту тему. Мы достаточно об этом говорили и на Генеральной Ассамблее и в Совете Безопасности. Я касаюсь этого вопроса лишь вскользь, поскольку некоторые представители в Совете делают упор на этот пункт заявления, упуская, что, в конечном счете, дело идет таким образом, что «вето» приходится применять. Как известно, не только Советский Союз прибегает к этому средству.

Выступившие представители непостоянных членов Совета Безопасности: представитель Канады, представитель Бельгии и особенно представитель Сирии, который проявляет особую прыть при обсуждении этого вопроса, — по не вполне ясным причинам, — указывали, что заявление пяти держав в Сан-Франциско — это документ, по которому взяли на себя обязательства великие державы. Это — верно. Согласно этому документу взяли на себя обязательства великие державы, и формально другие державы не связаны этим документом. Я не собираюсь этого отрицать. Но, во-первых, хорош был бы пример сотрудничества, если бы малые державы игнорировали этот документ, содержащий и дополняющий те обязательства, которые взяли на себя эти великие державы по Уставу Организации Объединенных Наций. Если бы непостоянные члены Совета Безопасности игнорировали этот документ, это было бы плохим примером сотрудничества. Во-вторых, если допустить такое положение (я не хотел бы этого видеть), что непостоянные члены Совета Безопасности действуют вопреки этому заявлению, то сложилась бы такая ситуация, при которой голоса в Совете Безопасности раскололись бы: с одной стороны, было бы пять голосов постоянных членов Совета Безопасности, действующих в соответствии с этим заявлением; с другой стороны, шесть голосов непостоянных членов, действующих вопреки этому заявлению, или часть этих шести голосов, при наличии воздержавшихся. Таким образом, без присоединения постоянных членов, или некоторых из них, невозможно было бы принять (в этом смысле последнего пункта заявления на конференции в Сан-Франциско) решения, согласно которому чилийская резолюция является процедурной³.

Я выслушал внимательно заявление г-на Остина. Я с его интерпретацией чилийской резолюции ни в коем случае, разумеется, согласиться не могу. Но заслуживает внимания другая часть заявления американского представителя. Он признал, что Соединенные Штаты связаны заявлением, принятым в Сан-Франциско, — хотя и с оговорками. Сделанные им оговорки противоречат обязательствам, взятым по заявлению. Он признал, однако, что этот документ остается в силе, в том числе и для делегации Соединенных Штатов. Значит, постоянные члены Совета Безопасности при рассмотрении этой чилийской резолюции и при рассмотрении вопроса о порядке голосования по этой резолюции не

могут присоединиться к предложению о том, чтобы эту резолюцию считать процедурной. Отсюда сейчас уже совершенно ясно, что решение о том, что чилийская резолюция является процедурной, не может быть принято.

В заключение я хочу сказать несколько слов по поводу предложения, сделанного представителем Сирии, который, как я уже указал, проявляет по каким-то неизвестным причинам исключительную активность при обсуждении этого вопроса. Очевидно государственные интересы Сирии особенно затрагиваются этой чилийской резолюцией. Представитель Сирии внес предложение о том, чтобы сначала проголосовать чилийскую резолюцию, а потом уже решить вопрос о том, процедурная ли это резолюция или непроедурная.

С таким весьма странным и весьма уродливым порядком мы согласиться не можем. В самом деле, если мы согласимся с таким порядком, то положение будет таково: Совет Безопасности проголосует резолюцию и не будет знать, принял ли это решение или не принял, процедурная ли эта резолюция или непроедурная. И лишь после голосования, согласно предложению представителя Сирии, Совет должен возвратиться к вопросу о том: принял ли он решение или не принял? Это, по крайней мере, смешной порядок.

Ввиду этого я присоединяюсь к тому порядку, о котором наш Председатель говорил еще на предыдущем заседании, а именно сначала вынести решение по предварительному вопросу, является ли чилийская резолюция процедурной или непроедурной, причем здесь будет действовать в полном объеме и в полной силе заявление принятое пятью державами в Сан-Франциско. И лишь потом, если, несмотря на результаты голосования по этому предварительному вопросу, будет поставлена все же на голосование чилийская резолюция, — подсчитать сколько голосов подано за чилийскую резолюцию и сколько против. Однако, решение вопроса по существу чилийской резолюции будет уже предопределено решением предварительного вопроса.

Таковы дополнительные разъяснения, которые я счел необходимым сделать в связи с дискуссией, состоявшейся в конце прошлого заседания и сегодня.

Х. АРСЕ (Аргентина) (*говорит по-испански*): Еще несколько минут дискуссии по этому вопросу не будут напрасной тратой времени.

Вопрос о привилегии, предоставленной пяти постоянным членам Совета Безопасности постановлением пункта 3 статьи 27 Устава, был поставлен, и первая попытка достичь окончательного разрешения этого вопроса уже выявила существующие разногласия. Поэтому было бы полезно установить некоторые прецеденты и выяснить наши взгляды, прежде чем продолжать обсуждение вопроса.

Представитель Украины заявил, что мы должны действовать согласно Уставу. Конечно, он считает, что обсуждаемое предложение касается существа, а не процедуры. Что мы должны дей-

³ Согласно статье 27 Устава, все решения Совета Безопасности требуют для своего принятия семь голосов членов Совета в свою пользу.

ствовать согласно Уставу, это совершенно очевидно. Однако, он также заявил, что если мы и должны действовать таким образом, то, кроме того, совершенно очевидно также, что наши действия должны соответствовать и заявлению четырех держав, сделанному в Сан-Франциско. Он утверждает, что это заявление имеет такое же юридическое значение, как и Устав Организации Объединенных Наций, и что такое же юридическое значение имеют все декларации, сделанные во время последней войны, или соглашения, заключенные в этот период времени. Все они, по мнению представителя Украинской ССР, являются частью Устава Организации Объединенных Наций.

Совет поймет, что мы, малые нации, — и теперь я говорю, в частности, от имени правительства Аргентины — не можем согласиться с таким мнением не только потому, что оно не может быть обосновано с точки зрения права, но и потому, что, если мы хотим обеспечить будущее нашей Организации, это мнение несостоятельно и с точки зрения самого элементарного политического здравого смысла.

Представитель Украины напомнил нам об одном может быть действительно имевшем место обстоятельстве. Говоря об аргентинской и еще об одной делегации, он заметил, что если бы данная декларация не была частью Устава и если бы она не была проведена в жизнь, то представитель Аргентины не присутствовал бы сейчас на этом заседании и не участвовал бы в обсуждении этого вопроса. Возможно, что это и так и что представитель Аргентины сидел бы не за этим, а за каким-нибудь другим столом, но тогда представители СССР и УССР тоже здесь не присутствовали бы, и было бы интересно выяснить, особенно принимая во внимание известные факты, кто больше заинтересован в существовании Организации Объединенных Наций.

На самом деле, довольно странно, что именно представитель Украины напел нужным напомнить нам об этом обстоятельстве, и я могу с особым успехом указать на этот факт, чтобы доказать, что представитель Украины не прав, так как представитель Украины не присутствовал бы здесь, несмотря на существование Устава, если бы не было странного соглашения между пятью великими державами, предусматривающего, что одна из провинций Союза Советских Социалистических Республик должна иметь в Организации Объединенных Наций своего отдельного представителя. Однако, это было поставлено на голосование, и справедливо ли или нет, правильно ли или неправильно, но на Конференции в Сан-Франциско было принято соответствующее решение и, как я уже сказал, в результате этого решения представитель Украинской Советской Социалистической Республики и присутствует здесь сегодня. Но на Конференции в Сан-Франциско не было принято никакого решения относительно Декларации пяти великих держав. Более того, Конференция отнеслась к этой декларации с некоторым неуважением, об- явив, что в этой декларации не дано ответа ни на один из двадцати трех вопросов, поставленных великим державам.

Поэтому я хотел бы отметить, что внесенное СССР предложение о принятии Украины в Организацию Объединенных Наций было принято, несмотря на все «если» и «но», так как по вопросу о приеме Украины в Организацию на Конференции действительно состоялось голосование. Но Конференция никогда, ни прямо — ни косвенно, не принимала решения о том, что декларация пяти держав должна считаться хотя бы основанием для толкования Устава, не говорю уж — дополнением к Уставу. Может быть такое значение и придается этой декларации теми странами, которые известны под наименованием великих держав, но не другими и, конечно, не теми странами, которые поставили эти оставшиеся без ответа вопросы.

Украинский представитель добавил, что признание предложения, внесенного делегацией Чили, всего только процедурным вопросом было бы незаконно, так как оно нарушало бы декларацию пяти великих держав. Я уже высказал мое мнение по этому поводу и это мнение заключается в том, что указанная декларация возможно и связана косвенно с Уставом, поскольку это касается пяти великих держав, но не имеет никакого отношения к Организации Объединенных Наций.

Чтобы покончить с этим вопросом, я хочу добавить, что эта декларация не является даже соглашением, заключенным между правительствами соответствующих пяти стран. Она представляет собой простое заявление. Любые другие страны могли бы сделать такое заявление, если бы они об этом договорились. Мое личное мнение таково, что она не имеет обязательной силы даже и для пяти великих держав, и поэтому я был поражен тем фактом, что представители Великобритании и Соединенных Штатов настойчиво утверждают, что эта декларация имеет для их стран обязательную силу. Мне кажется, что они забывают то положение международного права, согласно которому даже формально подписанные и ратифицированные соответствующими парламентами договоры могут быть отменены, когда изменяются обстоятельства, при которых они были заключены. Можно ли утверждать, что простое заявление, даже не облеченное в форму соглашения, не подлежит в настоящее время отмене?

Представитель СССР обратил наше внимание также на некоторые конкретные положения этой декларации. Он нам сообщил, когда пункт 2 части I декларации, в котором приводятся конкретные примеры различных случаев, упоминаемых в тексте, должен применяться к дискуссиям в Совете Безопасности. Он добавил, что для случаев, когда почему-либо трудно решить, является ли данный вопрос процедурным вопросом или вопросом существа, последняя часть декларации (часть II, пункт 2) устанавливает определенную процедуру, а именно, решение должно быть принято голосами семи членов, включая голоса пяти постоянных членов, и это означает, что так называемое право вето применимо в данном случае.

Нет необходимости подчеркивать, что если мы считаем вопрос вопросом процедуры, то мы не

можем принять такую аргументацию, даже если она основана на положениях этой Декларации великих держав, сделанной в Сан-Франциско. Затронув этот вопрос, я, в свою очередь, хотел бы также обратить внимание на пункт 1 части II, который говорит:

«По мнению делегации правительств-инициаторов, проект Устава содержит в себе указание на применение порядка голосования к различным функциям Совета».

Несомненно, именно поэтому-то представитель Соединенных Штатов на прошлом заседании и напоминал Совету о статье 29 Устава, помещенной в разделе под заголовком «Процедура».

Теперь я хотел бы в самой дружелюбной форме обратить внимание представителя СССР на то, что не может быть и речи о применении пункта 2 или пункта 4 части I той декларации, которая первоначально была сделана правительствами-инициаторами на Конференции в Сан-Франциско и к которой впоследствии присоединилась Франция. Речь идет только о применении Устава, а из Устава ясно, какого характера вопросы подлежат разрешению в таких случаях. Более того, в связи с этим следует не только ссылаться на Устав, но также и применять правило 40 временных правил процедуры Совета Безопасности, которое гласит:

«Голосование в Совете Безопасности производится на основании соответствующих статей Устава и Статута Международного Суда».

Я пытался найти другую версию, которая добавляла бы: «...а также в соответствии с заявлением правительства-инициаторов на Конференции в Сан-Франциско», но до сих пор мои поиски не увенчались успехом и поэтому я считаю, что постановления правила 40 правил процедуры, которое я только-что огласил, обязательны для всех членов Совета Безопасности.

Представитель СССР заявил, что непостоянные члены Совета не должны игнорировать упомянутую декларацию потому, что она является своего рода приложением к Уставу Организации Объединенных Наций. Очевидно таково его мнение и, может быть, это мнение разделяют другие четыре великие державы, но мы не можем согласиться с правильностью такой точки зрения ни по политическим, ни по правовым соображениям, имея в виду, что никаких постановлений, которые подтверждали бы ее правильность, нет ни в одном из документов, имеющих обязательную силу для Организации Объединенных Наций. Декларация эта не была приобщена к Уставу ни как его неотъемлемая часть, ни как приложение или хотя бы как документ, который должен приниматься во внимание при толковании Устава. Декларация эта есть простое заявление, сделанное четырьмя великими державами в Сан-Франциско, к которому впоследствии присоединилась Франция, и целью этого заявления было указать средним и малым державам, в каком положении они могут оказаться при голосовании согласно различным пунктам статьи 27.

Представитель СССР указал на нечто, что он называет правом вето малых держав. Он указал

на то, что члены Совета Безопасности делятся на две группы, а именно, с одной стороны имеется пять постоянных членов, обладающих правом вето, а с другой — шесть непостоянных членов, формально не обладающих таким правом. Если, однако, последние договорятся между собой, они могут воспрепятствовать постановлению решения, принятого пятью великими державами. Он сожалел бы, если бы это случилось, так же как сожалел бы и я, как я уже сказал раньше. Но дело не в этом. Дело в том, что, напротив, никто не должен препятствовать осуществлению воли большинства — никто не должен пользоваться правом вето, так как можно видеть, что правом вето пользуются с целью уклонения от каких-либо действий вообще. Если правом вето пользуются для уклонения от принятия плохих решений, то все обстоит благополучно. Но если им пользуются для уклонения от принятия хороших решений, то мы не можем с ним примириться. Дело в том, что правом вето пользуются даже в тех случаях, когда защитники его считают, что решение должно быть принято, и таким образом Совет Безопасности связан по рукам и ногам и не может принимать никаких решений. Нужно ли искать примеры? Перед нами один из них, а в аналах Совета Безопасности уже накопилось много других.

Мы, малые державы, хотим, чтобы Организация Объединенных Наций могла делать дело и принимать, когда нужно, решения. Так называемое право вето отнимает у нас всякую возможность выносить какие бы то ни было решения. Поэтому державы, обладающие этой привилегией, не должны удивляться, если мы — средние и малые державы — так упорно настаиваем на необходимости вновь обсудить постановления статьи 27 и созвать Генеральную Конференцию, чтобы решить, продолжать ли нам ничего не делать (по крайней мере в Совете Безопасности) или же изменить наши правила так, чтобы мы могли, хотя бы иногда, выносить полезные решения. Я считаю поэтому, что было бы очень прискорбно, если бы великие державы, заявившие что предложение о назначении подкомитета имеет чисто процедурный характер, настаивали бы на сохранении права вето или препятствовали бы обсуждению указанного вопроса на конференции, т. е. другими словами, если бы они обнаружили стремление лишить нас возможности осуществить попытку изменения Устава в интересах человечества.

Я упомянул об интересах человечества и я сделал это намеренно, так как представитель СССР со свойственным ему искусством указал на то, что он не знает, какие интересы побудили делегата Сирии принять участие в прениях и поддержать соответствующие предложения. Я не знаю, следует ли мне говорить о том, что меня не удивляет то обстоятельство, что представитель СССР не понимает, в чем может состоять такой интерес. Я сам не знаю, какими интересами руководствуется делегация Сирии, но я определенно знаю, какие интересы имеет в виду делегация Аргентины. Это — общие интересы всего человечества и интересы мира и безопасности. И в

связи с этим я укажу на то, что наш Совет, где мы так часто слышим о том, что представители различных государств ожидают указаний от своих правительств, не выполняет своих обязанностей, так как, вопреки той точки зрения, которую, повидимому, проводит представитель СССР в своих сегодняшних выступлениях, этот орган был создан не для выражения и защиты национальных интересов каждого из его членов, а для действий от имени всех Объединенных Наций и защиты интересов всего человечества.

Я думаю, что будет очень кстати, если я закончу свои краткие замечания ссылкой на пункт 1 статьи 24, который гласит:

«Для обеспечения быстрых и эффективных действий Организация Объединенных Наций, ее члены» — а их пятьдесят восемь — «возлагает на Совет Безопасности главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности и соглашается» — все пятьдесят восемь — «в том, что при исполнении его обязанностей, вытекающих из этой ответственности, Совет Безопасности действует от их имени».

Не от имени какого-либо из тех государств (из общего числа пятидесяти восьми), которые в нем представлены, а от имени всей Организации.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-французски*): Еще два члена Совета просили слова. Я предполагаю, что они имеют в виду сделать очень краткие заявления. После этого я предлагаю считать прения законченными и перейти к голосованию.

В. А. ТАРАСЕНКО (Украинская Советская Социалистическая Республика): Я еще раз хочу подчеркнуть, что без согласия великих держав создание Организации Объединенных Наций было бы невозможно, и соглашения, достигнутые между великими державами, являются лишь отражением и фиксацией согласия великих держав. В этом нет ничего странного и удивительного, ибо без этого согласия не только не удалось бы создать Организацию Объединенных Наций, но и не удалось бы победить нашего общего врага — гитлеровскую Германию.

Что же касается заявления представителя Аргентины, что в случае если бы не была создана Организация Объединенных Наций, он заседал бы в другом месте, то это, конечно, дело вкуса и желания; я не собираюсь покушаться на права Аргентины заседать в другом месте.

Я также не хочу подробно касаться вопроса о том, является ли Аргентина, или еще какая-либо страна, член Организации Объединенных Наций, провинцией другого государства, так как это было бы отвлечением от существа обсуждаемого вопроса. Я только могу кратко напомнить, что Украина является суверенным государством и эта суверенность отражена в ее конституции. Я сожалею, что такие элементарные факты о государственном устройстве как Украинской Советской Социалистической Республики, так и Советского Союза неизвестны некоторым представителям в Совете Безопасности.

Поэтому я не собираюсь предъявлять особых претензий представителю Аргентины по этому вопросу. Правда, незнание вопроса должно было бы заставить представителя Аргентины воздержаться от высказывания таких ни на чем необоснованных суждений.

Представитель Аргентины затронул вопрос по существу о членстве в Организации Объединенных Наций, о составе Совета Безопасности. Я считаю, что этот вопрос в данном случае неуместен, что он не относится к существу обсуждаемого дела. Я понимаю и могу разделить точку зрения представителя Аргентины, что ему, может быть, не нравится, что то или иное государство является членом Совета Безопасности, но это его личное дело. Я также имею свое суждение по этому вопросу, но считаю, что не место и не время высказывать его сейчас. Вот все, что я хотел отметить.

Ф. Эль-ХУРИ (Сирия) (*говорит по-английски*): Я сожалею, что мне приходится выступить опять, чтобы рассеять сомнения, которые очевидно имеются у представителя СССР, в связи с моими объяснениями при обсуждении этого вопроса. Он заявил, что ему неизвестны мои мотивы.

Меня это удивило, так как от каждого представителя в Совете Безопасности требуется участие в прениях по вопросам, обсуждаемым в Совете. Каждый представитель трактует эти вопросы сообразно своему пониманию ситуации. В тех случаях, когда я выступал, я указывал мотивы своих выступлений. Однако, представитель СССР заявляет, что мотивы моего выступления неизвестны.

Каким образом мои мотивы могут оставаться неизвестными, после того как я изложил их в такой ясной форме? Прежде всего, я с самого начала указал на то, что я выступаю по этому вопросу в виду того, что индивидуальности, достоинству и свободе малых государств наносится ущерб, если на эти государства оказывают давление большие государства, если большие государства получают возможность вмешиваться в дела малых государств, когда речь идет об установлении формы правления для последних. Вот почему малые государства проявляют интерес к этому вопросу. Другого интереса у них нет. Представитель СССР спрашивает, какое касательство к этому вопросу имеет делегация Сирии. Мне кажется, что я уже объяснял, что заинтересованность моего правительства имеет только-что указанный мною характер.

Во-вторых, как я уже упомянул ранее, я стою за передачу этого вопроса в подкомитет. Я придерживаюсь такой точки зрения в виду того, что Совет Безопасности не имеет достоверных сведений, которыми он должен обладать прежде чем прийти к какому-либо заключению по этому вопросу, особенно учитывая тот факт, что правительство Чехословакии отказалось прислать представителя в Совет Безопасности для предоставления информации. Я не вижу другого способа получения информации, кроме передачи вопроса в подкомитет. Было указано на то, что Совет Безопасности не может получить такую

информацию на своем пленарном заседании и что будет целесообразнее передать вопрос в подкомитет. Вот — мои мотивы.

Кроме того, я заявил, что считаю этот вопрос вопросом процедуры, а не вопросом существа, и указал, по каким основаниям я так думаю. Я сослался на определенное правило из временных правил процедуры. Я сослался на Устав. Этого достаточно. Вот — мотивы, по которым я придерживаюсь известного мнения.

Затем я предложил сначала поставить на голосование самое предложение, а потом уже — другой вопрос. Тогда же я ясно указал мотив, а именно, что если мы создадим прецедент, устанавливающий, что до постановки на голосование любого предложения мы должны выяснять, является ли оно предложением по существу или процедурным предложением, то в отношении любого нового предложения кто угодно может выступить и заявить: «давайте сначала поставим на голосование вопрос о том, является ли это предложение предложением по существу или процедурным предложением».

Я участвовал в работе Совета Безопасности в прошлом году. Я участвовал в работе Совета Безопасности в этом году. У нас никогда не было такого прецедента. Мы всегда голосовали по самому предложению. Только после этого, если заявлял возражение какой-либо постоянный член Совета, вопрос ставился на обсуждение, но мы не считали, что сначала нужно ставить на голосование вопрос о том, является ли предложение процедурным предложением или предложением по существу, и не устанавливали такой процедуры.

В-третьих, когда я заявил, что декларация, сделанная в Сан-Франциско, не имеет обязательной силы для непостоянных членов Совета, я указал также на то, что мы ничего не знаем об обстоятельствах ее составления в Сан-Франциско, и это так и есть. Мы слышали о ней в то время, но она никогда не обсуждалась в Сан-Франциско ни в одном из главных комитетов, ни на пленарных заседаниях Конференции. Таким образом она была специальным документом, имеющим обязательную силу для самой большой пятерки. Я считаю, что этот вопрос должен быть оставлен на их собственное усмотрение и что вопрос о том, следует ли производить голосование по принципу единогласия в соответствии со статьей 27 Устава, не должен ставиться на решение Совета Безопасности. Если бы о нем было постановление в правилах процедуры или в Уставе, то тогда мы могли бы обсуждать этот вопрос.

Я безусловно приветствовал бы, если бы постоянные члены Совета Безопасности согласились включить декларацию, сделанную в Сан-Франциско, в правила процедуры Совета Безопасности. Тогда мы могли бы высказать наше мнение о том, какое значение имеет эта Декларация и применима ли она к некоторым резолюциям. Если они предложат это и Совет Безопасности решит включить эту декларацию в правила процедуры, то мы будем иметь право обсуждать ее, высказать наши суждения и наши мнения по каждому пункту, как только он станет предметом обсуждения. Но при существующих

обстоятельствах я считаю, что мое заявление было правильным, и я его подтверждаю. Я считаю, что заявление представителя СССР, будто мотивы моего выступления неизвестны, неосновательно, так как эти мотивы были ясны и хорошо известны.

Х. АРСЕ (Аргентина) (*говорит по-испански*): Представитель Украины, утверждая, что эта советская провинция суверенна, указал на мою неосведомленность. Я не скрывал, что я не знаком с конституцией его страны, и надеюсь, что он любезно даст мне копию этой конституции, чтобы я мог ознакомиться с ее содержанием. Я со своей стороны признаю только один вид мудрости, а именно сознание своего неведения во многих вещах, и я с особым удовольствием отмечаю универсальный характер сведений, которыми обладает представитель Украины, которому известно все, даже и то, что не существует, как например заявления относительно состава Совета, которые он приписывает мне и которых я не делал.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-французски*): Я полагаю, что теперь мы можем приступить к голосованию. Вопросы, которые я предложу на разрешение Совета Безопасности, будут ему представлены один за другим в известной последовательности. Я постараюсь представить их на ваше решение в возможно ясной форме.

Первый вопрос возникает в связи с замечаниями, сделанными представителем Украины. У нас имеется предложенный делегациями Чили и Аргентины проект резолюции [281-е и 288-е заседания] о назначении комитета для допроса свидетелей и доклада Совету Безопасности. В связи с постановкой этого проекта резолюции на голосование возникает вопрос о процедуре, который мы только-что обсудили. Как я уже отметил на последнем из заседаний, посвященных этому вопросу [300-е заседание], имеется два метода, которым мы можем следовать. Я мог бы просить вас немедленно голосовать по резолюции и дать интерпретацию голосования после, когда мы могли бы решить вопрос процедуры или я мог бы просить вас в первую очередь решить вопрос процедуры. Как я уже сказал ранее, я избрал второй метод.

Я предпочел этот второй метод потому, что возможно, что решение, которое я, как председатель, могу принять, не соответствовало бы мнению большинства членов Совета. Должен сказать, что в этом случае я предпочитаю, чтобы вопрос был разрешен заранее и мне не пришлось бы после объявления результатов голосования по резолюции отказаться от своего решения, если оно не будет принято Советом.

Я предпочел бы следовать процедуре, предложенной мной на прошлом заседании, если, конечно, представитель Сирии не будет настаивать на своем предложении.

Ф. Эль-ХУРИ (Сирия) (*говорит по-английски*): Я не возражаю против метода, предложенного Председателем. Я думал однако, что было бы также правильным поступить иначе.

Тем не менее, раз Председатель предпочитает свой метод, я не возражаю против предложенной им процедуры.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (говорит по-французски): Благодарю вас. Вследствие этого заявления представителя Сирии я буду придерживаться следующего порядка. Сейчас я поставлю на голосование вопрос о том, следует ли считать голосование, которое будет произведено по проекту резолюции, голосованием по вопросу процедуры. Затем, я дам свою интерпретацию результата этого первого голосования. Мою интерпретацию, которую я вкратце объясню, можно будет оспаривать. Таким образом, мы сможем разрешить вопрос процедуры.

После этого я поставлю на голосование резолюцию и дам свою интерпретацию результата этого голосования в соответствии с вашим решением по первому вопросу.

Сейчас я ставлю на голосование следующий вопрос: следует ли рассматривать предстоящее голосование по проекту резолюции как процедурное голосование?

Производится голосование поднятием рук.

За: Аргентина, Бельгия, Канада, Китай, Колумбия, Сирия, Соединенное Королевство, Соединенные Штаты Америки.

Против: Союз Советских Социалистических Республик, Украинская Советская Социалистическая Республика.

Воздержалась: Франция.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (говорит по-французски): Мне предстоит теперь выяснить смысл только-что произведенного голосования. Я при этом буду руководствоваться следующими соображениями:

Прежде всего, Председатель, будучи представителем государства, входящего в Совет Безопасности в качестве постоянного члена, не может не считаться с Сан-францисской декларацией. В пользу этой позиции, кстати говоря, уже установлены прецеденты, причем эти прецеденты были созданы не только в тех случаях, когда Председателем Совета был представитель одного из его постоянных членов. Так например, был один случай, когда Председателем был представитель непостоянного члена Совета и, несмотря на это, Сан-францисская декларация была принята во внимание.

Два пункта декларации могут быть применены, по моему мнению, к настоящему затруднению. Во-первых заключительное заявление, в котором предусматривается, что в случае сомнения в отношении того, является ли вопрос процедурным или по существу, «...решение предварительного вопроса о том, является ли он процедурным или нет, принимается голосами семи членов Совета Безопасности, включая совпадающие голоса постоянных членов». Представитель Соединенного Королевства — если я его правильно понял — высказал мнение, что это заключительное заявление в Сан-францисской декларации в сомнительных случаях, и эта интерпретация, повидимому, находится в соответствии с текстом последней части декларации, на которую я только-

что сослался. В настоящее время я воздержусь от какого-либо заключения относительно этой интерпретации.

Я теперь коснусь других частей декларации, которые могут быть применены в случае, находящемся на рассмотрении Совета. В пункте 2 декларации предусматривается, что создание «таких органов, которые он» — то-есть Совет — «может счесть необходимым для выполнения его функций», должно рассматриваться как вопрос процедурного характера. Однако, с другой стороны, в пункте 4 предусматривается, что некоторые решения, которые сами по себе являются процедурными, должны рассматриваться как решения по существу, потому что они могут повлечь за собой «большие политические последствия». При этом подчеркивается, что «эта цепь событий начинается» — например — «когда Совет решит произвести расследование...» Мне казалось, не означает ли в этом пункте слово «расследование» посылку комиссии по расследованию на месте и, далее, нельзя ли провести различие между посылкой комиссии по расследованию и расследованием, проводимым непосредственно каким-либо вспомогательным органом Совета Безопасности.

Однако, обращаясь к пункту 5 первой части декларации, мы читаем: «например, предписывая расследование, Совет должен принять во внимание, не приведет ли эта мера, — которая может повлечь за собой требование о представлении докладов, заслушивание свидетелей, посылку комиссии по расследованию и т. п., — не приведет ли она к дальнейшему ухудшению положения».

При этих обстоятельствах я считаю, что слову «расследование», которое фигурирует в первой строке этого пункта, следует придавать самое широкое значение, и я полагаю, что оно применимо к разбираемому нами вопросу.

Поэтому, какова бы ни была интерпретация пункта 5 первой части декларации, разбираемый вопрос, во всяком случае, — спорный, и при этих обстоятельствах остается в силе заключительное положение декларации, согласно которому для принятия решения о том, процедурный ли это вопрос, необходимы совпадающие голоса пяти постоянных членов Совета.

На основании вышесказанного, я толкую только-что произведенное голосование в том смысле, что принято решение рассматривать голосование резолюции как голосование по существу.

Я хочу сказать еще одно слово. При этом истолковании я считаю, что в соответствии с установившейся здесь практикой, если один из постоянных членов Совета воздерживается от голосования, это обстоятельство отнюдь не препятствует Совету принять решение. При вынесении моего решения я считался с тем, что один из постоянных членов Совета голосовал против.

X. APCB (Аргентина) (говорит по-испански): К сожалению я не могу согласиться с заключением, вынесенным Председателем. Более того, я хочу отметить, что различные Председатели Совета неоднократно заявляли, что при решении подобных вопросов решения, прини-

маемые Советом, не устанавливают прецедента. Это — очень правильное заявление, так как интерпретация Устава не может находиться в зависимости от состава Совета в любой данный момент.

Я возражаю против заключения Председателя потому, что в Уставе — единственном документе, которого я должен придерживаться, несмотря на доводы Председателя, основанные на декларации пяти держав — предусматривается в пункте 2 статьи 27, что решения Совета Безопасности по процедурным вопросам считаются принятыми, если в их пользу поданы голоса семи членов Совета, и не говорится, что в это число должны войти голоса пяти постоянных членов Совета. Далее, в том же Уставе, в разделе о «Процедуре», предусматривается, в статье 29, что Совет Безопасности может учреждать такие вспомогательные органы, какие он найдет необходимыми для выполнения своих функций.

Я хочу сделать еще одно замечание, и я делаю его не потому, что я предполагаю, что могут быть какие-либо возражения юридического характера против моего мнения, а просто потому, что я хочу облегчить работу Совета. В настоящем случае речь идет не о производстве расследования, а только о сборе сведений, что доказывается тем, что я, если окажется необходимым, буду просить о принятии других мер для сбора необходимой информации.

Г. ИГНАТЬЕВ (Канада) (говорит по-английски): Я считаю, что смысл только-что сделанных Председателем замечаний заключается в том, что если за проект резолюции, предложенный представителем Чили, не будут поданы голоса семи членов Совета, включая соппадающие голоса постоянных членов, то резолюция не будет принята Советом Безопасности. Как я понимаю, Председатель в своем заключении признает силу декларации четырех держав и считает ее применимой к настоящим обстоятельствам, а также силу и возможность применения так называемого двойного вето.

В прошлую пятницу представитель Канады ясно указал в своем заявлении в Совете Безопасности [300-е заседание], что он считает, что декларация четырех держав неприменима при настоящих обстоятельствах, а также, что резолюция, внесенная представителем Чили, является чисто процедурным вопросом, как согласно смыслу статьи 29 Устава, так и согласно правилам процедуры Совета Безопасности. Из заключения Председателя следует, что это мнение им не разделяется, и следовательно у меня нет другого выхода, как только предложить, чтобы решение Председателя было передано на решение членов Совета Безопасности.

Сэр Александр КАДОГАН (Соединенное Королевство) (говорит по-английски): Я хочу сказать несколько слов для пояснения моей позиции. При сложившихся обстоятельствах и принимая во внимание положение Председателя, я думаю, что, в общем, заключение Председателя правильно, так как существует разногласие в отношении того, является ли этот во-

прос процедурным или по существу. Мое правительство считает себя связанным последним пунктом Сан-францисской декларации, согласно которому этот предварительный вопрос должен быть решен голосами семи членов Совета, включая голоса его пяти постоянных членов.

Я глубоко убежден, однако, что это разногласие не должно было возникнуть. Как мне кажется, этот вопрос не следовало поднимать, так как совершенно ясно, что, согласно Уставу, это — вопрос процедуры; это — вопрос процедуры и согласно нашим правилам процедуры и согласно самой Сан-францисской декларации. Как сам Председатель, так и многие из представителей в Совете Безопасности ссылались на правило в декларации, согласно которому создание таких органов, которые Совет Безопасности может найти необходимыми для выполнения своих функций, подлежит процедурному голосованию. Попросту говоря, здесь было предложено поручить трем из наших членов изучить далее вопрос, находящийся уже на рассмотрении Совета Безопасности, и я не могу себе представить, что это предложение можно рассматривать как предложение по существу.

Я помню несколько случаев, когда Совет Безопасности просил своих пятерых постоянных членов совместно заняться дальнейшим изучением какого-либо вопроса. Никогда не поднимался вопрос, идет ли речь по существу вопроса, и поэтому-то мне и кажется, что вопрос об этом никогда не должен был возникнуть. Не должно существовать никакого разногласия по вопросу, который, как мне кажется, совершенно ясен.

Я согласен, что если рассматривать декларацию как одно целое и упорно придерживаться этого, то в ней действительно имеется этот последний пункт, на который ссылаются представители СССР и УССР, не считаясь с другими частями декларации, которые, как мне кажется, указывают на противное. Я думаю, что если г-н Громыко будет слишком налегать на декларацию, принятую в Сан-Франциско, то в один прекрасный день она рухнет под его тяжестью.

Ф. ван ЛАНГЕНХОВЕ (Бельгия) (говорит по-французски): Интерпретация смысла только-что произведенного голосования, которую дает Председатель, основываясь на декларации держав-инициаторов Конференции в Сан-Франциско. Нельзя навязать эту декларацию моей стране. При этих обстоятельствах, к моему сожалению, я не могу признать обоснованность интерпретации Председателя.

А. ГОНСАЛЕС-ФЕРНАНДЕС (Колумбия) (говорит по-английски): К моему сожалению, я должен высказаться против заключения Председателя. Моя делегация придерживается того мнения, что Устав и правила процедуры — единственные правила, обязательные для Совета Безопасности в целом, а в частности — для делегации Колумбии. Мы считаем, что разбираемый нами вопрос есть вопрос процедуры, в том смысле, в каком это предусматривается в Уставе.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-французски*): Я ставлю мое заключение на голосование Совета.

Ф. ван ЛАНГЕНХОВЕ (Бельгия) (*говорит по-французски*): Могу я спросить Председателя, каких правил голосования мы будем придерживаться при предстоящем голосовании?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-французски*): Этот вопрос тем более уместен, что, вероятно, самому Совету Безопасности придется его разрешить. Правило 30 наших правил процедуры гласит:

«Если какой-либо представитель поднимает вопрос о порядке дня, Председатель немедленно объявляет свое заключение. Если оно оспаривается, Председатель передает свое заключение на рассмотрение Совета Безопасности для немедленного принятия им решения; заключение Председателя остается в силе до его отмены».

Если я правильно понимаю этот текст, то я должен поставить на голосование вопрос об отмене моего заключения.

А. А. ГРОМЫКО (Союз Советских Социалистических Республик): Я хочу внести ясность в связи с вопросом, который задал в полусутильной форме представитель Бельгии. Разумеется, «*ruling*», который объявил нам Председатель, — правильный. Этот «*ruling*» находится в соответствии с соглашением пяти держав, заключенным в Сан-Франциско.

Но если бы, вместо Председателя, представителя Франции, был какой-либо другой Председатель, который был бы несогласен с заявлением пяти держав в Сан-Франциско, скажем, представитель Сирии, — я не знаю, как он вел бы себя, если бы был Председателем, — но если бы был другой Председатель и объявил «*ruling*», противоречащий заявлению пяти держав в Сан-Франциско, то такой «*ruling*» не имел бы законной силы. Если бы представитель какой-либо страны председательствовал в Совете и, несмотря на тот факт, что один из постоянных членов Совета Безопасности голосовал против предложения о том, чтобы чилийскую резолюцию считать процедурным вопросом, заявил бы, что эта резолюция все-таки является процедурной, то такое заявление не имело бы законной силы.

А иначе как же? Иначе дело свелось бы к тому, что вопрос о том, является ли резолюция процедурной или непроцедурной, путем голосования на разного рода ступеньках, свелся бы к вопросу о порядке дня, что являлось бы абсурдом.

Я хочу дополнительно сказать, что никакое голосование сейчас, если представитель Аргентины, скажем, будет настаивать на нем в связи с «*ruling*» Председателя, — не может отменить этот «*ruling*» или ослабить его. Иначе получилось бы положение, при котором вопрос о том, касается ли чилийская резолюция существа или процедуры, сводился бы к вопросу о порядке дня. Разве неясно, что логически, фактически или с любой другой точки зрения, это бессмыслица?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-французски*): Отвечая несколько минут тому назад на вопрос представителя Бельгии, я полагал, что в настоящем случае надлежит применить правило 30 правил процедуры. В самом деле, как я считаю, речь здесь идет о порядке дня. Если Совет расходится со мной в этой оценке, то следует непосредственно поставить на голосование мое толкование.

Если же речь идет о порядке дня — а я думаю, что это так, — я считаю, что, как я уже сказал, я должен поставить на голосование вопрос об отмене моего заключения, как это предусматривается в правиле 30. Я должен сказать, впрочем, что при наличии разногласия в некоторых других случаях, на голосование ставилось непосредственно заключение Председателя.

Ф. Эль-ХУРИ (Сирия) (*говорит по-английски*): Я согласен с мнением Председателя. На голосование следует поставить заключение Председателя и, таким образом, оно либо будет оставлено в силе, либо отклонено.

Х. АРСЕ (Аргентина) (*говорит по-испански*): Правило 30 правил процедуры не предусматривает исключений. Нельзя поэтому согласиться с тем, что заключение Председателя может оспариваться в одних случаях и не может оспариваться в других. Поэтому, я попрежнему считаю, что поскольку заключение Председателя оспаривается четырьмя членами Совета, мое возражение должно быть поставлено на голосование.

Если это приведет к нелепому положению, то вина за это падает не на нас, а на позицию, занятую некоторыми делегациями, или же на неясность в Уставе или в правилах процедуры.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-французски*): Мы должны выйти из этого затруднения. Прежде всего я хочу ознакомиться с вашим мнением по следующему вопросу: считаете ли вы, что для применения правила 30 правил процедуры — после того, как Председатель объявляет свое заключение, — необходимо для отмены этого заключения, чтобы было произведено голосование по вопросу о его отмене?

Ф. Эль-ХУРИ (Сирия) (*говорит по-английски*): Я считаю, что правило 30 временных правил процедуры достаточно ясно. Оно гласит, что если заключение Председателя оспаривается, то «...Председатель передает свое заключение на рассмотрение Совета Безопасности для немедленного принятия им решения...» Это означает, что заключение, а не тот факт, что оно оспаривается, требует необходимого большинства для того, чтобы оно осталось в силе.

А. А. ГРОМЫКО (Союз Советских Социалистических Республик): Я считаю, что мы напрасно занимаемся словесной эквилибристикой. Это прежде всего относится к представителю Аргентины и представителю Сирии. Представитель Сирии как будто сегодня родился на свет, как будто он не знает, что в Совете Безопасности всегда, когда возникает несогласие с правилом, объявленным Председателем, вопрос ста-

вится таким образом: кто за то, чтобы *отменить* правило, объявленное Председателем, а не так: кто за то, чтобы *подтвердить*?

Может быть, полезно предоставить слово Генеральному Секретарю с тем, чтобы он напомнил нам это, собрав десятки протоколов, где записаны соответствующие правила, которыми руководились председатели по вопросам, по которым возникали расхождения. Может быть, это поможет представителям Сирии, Аргентины и возможно некоторым другим разобраться в этом вопросе. Если это пойдет на пользу, то, может быть, было бы целесообразно привлечь Генерального Секретаря, чтобы он принес с собой целый ряд документов и протоколов.

Я хотел бы обратить внимание Председателя на последнюю фразу правила 30, которая гласит: «It shall stand unless overruled».

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (говорит по-французски): Отвечая представителю Сирии, я хотел бы отметить, что французский текст правила 30 отличается от английского. Перевод не дословный. Английский текст гласит: «...Председатель передает свое заключение на рассмотрение Совета Безопасности для немедленного принятия им решения; заключение остается в силе до его отмены». В противоположность французскому тексту английский текст до некоторой степени сам себе противоречит. Во французском тексте не говорится, что Председатель передает свое заключение на решение Совета Безопасности, а что он сообщает его Совету для немедленного решения. Я должен признаться, что я предпочитаю французский текст, так как он не содержит в себе противоречия, которое имеется в английском тексте.

Чтобы Совет Безопасности мог вынести какое бы то ни было решение, я поставлю вопрос на голосование следующим образом: Согласны ли вы с тем, что на голосование должно быть поставлено предложение об отмене моего заключения?

А. А. ГРОМЫКО (Союз Советских Социалистических Республик): Мне кажется что если мы будем так вести дело, то к каждому такому последнему предложению можно сделать еще более отдаленное предложение, и так без конца. Это будет похоже на известный софизм Зенона об Ахиллесе и черепахе. Теоретически Ахиллес должен был догнать черепаху и, однако, он никогда не смог ее догнать: в то время, как Ахиллес пробегал сто метров, черепаха пробегала только один метр; пока Ахиллес пробегал метр, черепаха — одну сотую метра, и так до бесконечности...

Мне кажется, что дело нужно вести так, как мы его вели до сих пор. Если есть несогласные с заявлением Председателя, то вопрос должен быть поставлен таким образом: «кто за то, чтобы *отменить* «ruling» Председателя». — а не так: «кто за то, чтобы *подтвердить* «ruling» Председателя».

Если я не ошибаюсь, ваше последнее предложение по своему смыслу соответствует второму варианту. Может быть вы уточните ваше предложение и сделаете его яснее.

Х. АРСЕ (Аргентина) (говорит по-испански): Мы уже говорили о невежестве представителей, а я только-что постиг еще одну мудрость: когда кто-либо расходится во мнении с кем-либо, кто оказывается прав, в этом нужно признаться. Я считаю, что представитель СССР в этом случае прав, и поэтому я буду голосовать согласно заключению Председателя.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (говорит по-французски): По моему мнению, мы находимся еще в худшем положении, чем Ахиллес, так как, в конце концов, Ахиллес смог догнать черепаху, а нам угрожает та опасность, что мы никогда не сможем покончить с этим делом, если каждый раз, когда я ставлю вопрос, мы должны будем определить форму, в какой я его должен поставить.

Вопрос, стоящий на рассмотрении Совета, это, по существу, вопрос о применении Сан-Францисской декларации. Мое толкование основывается на этой Декларации, которая была принята в Сан-Франциско постоянными членами Совета. Я ставлю этот вопрос на голосование в следующей форме, ибо я считаю, что только так мы можем выйти из нашего затруднения: Прошу всех тех, кто за то, чтобы отменить мое заключение, поднять руку.

Производится голосование поднятием рук.

За отмену заключения Председателя: Аргентина, Бельгия, Канада, Китай, Колумбия, Сирия.

Против отмены заключения Председателя: Союз Советских Социалистических Республик, Украинская Советская Социалистическая Республика.

Воздержались: Франция, Соединенное Королевство, Соединенные Штаты Америки.

Результат голосования следующий: 6 голосов было подано за отмену заключения Председателя, 2 — против, при 3 воздержавшихся.

Поскольку предложение об отмене заключения Председателя не собрало требующихся семи голосов в свою пользу, заключение Председателя остается в силе.

А. А. ГРОМЫКО (Союз Советских Социалистических Республик) (говорит по-английски): Я хочу спросить представителя Китая, действительно ли он голосовал против заключения Председателя, или же здесь произошло недоразумение?

СЮЙ Шу-си (Китай) (говорит по-английски): Я хочу объяснить, почему я голосовал против заключения Председателя. Я это сделал не потому, что Китай не считает себя связанным Декларацией, а потому, что я считаю заключение Председателя неправильным.

А. А. ГРОМЫКО (Союз Советских Социалистических Республик): Я хочу сказать несколько слов в связи с этим заявлением представителя Китая.

Я считаю, что представитель Китая — и это не может подлежать ни малейшему сомнению — действует вопреки тем обязательствам, которые взяло на себя китайское правительство на Конференции в Сан-Франциско. Правительство Китая не может действовать вопреки этому за-

явлению. Обязательства, которые были взяты пятью державами, являются частью их обязательств, взятых по Уставу. Так могут действовать только безответственные люди.

Какое основание имеет Китай отказаться от обязательств в то время, когда все другие постоянные члены Совета Безопасности следуют этим обязательствам? Заявление о том, что, видите ли, представителю Китая не нравится «*ruling*» Председателя, не является достаточным основанием голосовать против. Голосование против этого «*ruling*» есть голосование против заявления, под которым есть подпись делегации Китая в Сан-Франциско.

СЮЙ Шу-си (Китай) (*говорит по-английски*): Я очень сожалею, что вновь поднят вопрос, по которому уже было принято решение. Я об этом особенно сожалею потому, что, если мы вновь будем его обсуждать, то мы должны будем опять коснуться заключения Председателя. Мое искреннее уважение к Председателю не позволяет мне вновь повторять, что я с ним не согласен.

Ясно, что я не говорил, что Китай не считает себя связанным Сан-Францисской декларацией. Неужели представитель Союза Советских Социалистических Республик не отдает себе отчета, что Декларацию можно толковать по-разному? Если один из членов Совета истолковывает ее неправильно, то это отнюдь не означает, что другой член Совета должен принять его толкование.

Я голосовал против заключения Председателя просто потому, что я считаю его толкование Декларации неправильным. Председатель исходил в своем заключении из того существенного предположения, что в резолюции идет речь о назначении расследования. Для всех очевидно, что в этом вопросе может существовать честное расхождение во мнениях. Я считаю, что в проекте резолюции, внесенном в Совет Безопасности, ясно предусматривается учреждение подкомитета со специальным заданием. Речь отнюдь не идет о расследовании.

Во всяком случае, я полагаю, что г-н Громыко может признать, что может существовать разница во мнениях. Я голосовал против заключения Председателя исключительно по указанным мною причинам.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-французски*): Я даю слово представителю Аргентины и прошу его быть кратким.

Х. АРСЕ (Аргентина) (*говорит по-испански*): Я только прошу занести в протокол, что Совет Безопасности только-что нарушил Устав. К счастью, это не впервые...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-французски*): Как Председатель, я должен заявить, что я не согласен с представителем Аргентины.

Я ставлю на голосование проект резолюции, внесенный делегациями Чили и Аргентины; затем я выясню смысл результатов этого голосования в соответствии с тем решением, которое мы приняли в результате предшествующих прений.

А. А. СОВОЛЕВ (Помощник генерального секретаря по делам Совета Безопасности) (*говорит по-английски*): Резолюция гласит:

«Принимая во внимание, что один из членов Организации Объединенных Наций, согласно статьям 34 и 35 Устава, обратил внимание Совета Безопасности на ситуацию в Чехословакии, которая может угрожать международному миру и безопасности, и что Совету Безопасности представлена просьба о расследовании этой ситуации, и

принимая во внимание, что в течение прений, имевших место в Совете Безопасности, было сделано заявление о существовании дальнейших свидетельских показаний и документальных доказательств, относящихся к этому вопросу;

принимая во внимание, что Совет Безопасности считает желательным ознакомиться с этими свидетельскими показаниями и документальными доказательствами;

в связи с этим и с этой целью, и не предпринимая тех или иных решений, которые могут быть приняты в соответствии со статьей 34 Устава,

Совет Безопасности

постановляет назначить подкомитет, состоящий из трех членов, поручает этому подкомитету принимать и выслушивать такие сообщения, заявления и показания и представить Совету Безопасности доклад о результатах своей работы в возможно короткий срок».

Производится голосование поднятием рук.

За: Аргентина, Бельгия, Канада, Китай, Колумбия, Сирия, Соединенное Королевство, Соединенные Штаты Америки, Франция.

Против: Союз Советских Социалистических Республик, Украинская Советская Социалистическая Республика.

Резолюция отклоняется, так как один из постоянных членов Совета Безопасности голосовал против нее.

У. Р. ОСТИН (Соединенные Штаты Америки) (*говорит по-английски*): Я знаю, что время позднее, и прошу Совет Безопасности извинить меня, что я отнимаю у него время после тяжелого трудового дня, но этот вопрос настолько важен, что я считаю себя вынужденным сделать заявление для занесения в протокол позиции моего правительства в связи с последним случаем применения вето в Совете Безопасности.

Сперва я хотел бы внести ясность в то, что я считаю недоразумением. Перед голосованием, в своем последнем заявлении, представитель Союза Советских Социалистических Республик, коснувшись моих замечаний, показал, что он как будто их не понял. Я хочу разъяснить это, для того, чтобы запись в протоколе была правильной. Я не говорил, что Соединенные Штаты считают себя связанными заявлением, сделанным в Сан-Франциско — назовем ли мы его заявлением или соглашением, — но я сказал как-раз обратное. Я не говорил, что мы не изменим нашу позицию в вопросе о вето, изложенную в сан-францисском заявлении. Я сказал, что мы не изменили нашей позиции. Однако, мы считаем, что наши руки не связаны в этом от-

ношении. Мы считаем, что мы можем изменить нашу позицию, и я оговариваю за моим правительством право сделать это, когда это ему представится целесообразным.

Как я сказал на последнем заседании, посвященном вопросу о Чехословакии [300-е заседание], Соединенные Штаты убеждены, что революция, по которой мы только-что голосовали, по своему характеру является чисто процедурной в том смысле, в каком это предусматривается в Уставе. Это мнение основывается на обычном значении слова «процедурный» и на том обстоятельстве, что проектируемое создание подкомитета находится в соответствии со статьей 29. Учреждение такого подкомитета согласно статье 29 соответствует Уставу и является явно процедурным вопросом. Тем не менее, Совету Безопасности помешали принять решение о том, что эта резолюция является процедурной, путем неуместного применения пункта 2 части II Декларации четырех держав. Тем не менее, когда Председателю предстояло вынести свое заключение, он был поставлен именно в то самое положение, о котором говорится в пункте 1 части II. Этот пункт гласит:

«1. По мнению делегаций правительств-инициаторов, в проекте самого Устава содержится указание относительно процедуры голосования, применимой к различным функциям Совета».

Совершенно очевидно, что к настоящему случаю применима статья 29, и мы придерживаемся той позиции, которой мы неизменно придерживались в отношении статьи 29. Но мы столкнулись с новым положением, при котором вопрос уже не заключается в принятии решения, в установлении курса или в толковании. В этом положении мы очутились, когда Председателю предстояло вынести свое заключение в соответствии со следующим правилом:

«2. ...Однако, в случае если такой вопрос возникает, то решение предварительного вопроса, является ли он процедурным или нет, принимается голосами семи членов Совета Безопасности, включая совпадающие голоса постоянных членов».

Таким образом, я хочу, чтобы не было никакого сомнения в том, что мы не отказались от нашей позиции, а именно от утверждения, что, согласно статье 29, рассматривавшийся нами вопрос был вопросом процедурным. Но, когда оспаривалось заключение Председателя, мы должны были, по-моему, голосовать именно так, как мы голосовали.

Соединенные Штаты не могут признать, что применение так называемого двойного вето может в какой бы то ни было мере изменить Устав, изменить правило статьи 29. В то время как двойное вето может воспрепятствовать Совету Безопасности — как это произошло в данном случае — принять какие-либо меры в момент применения вето, оно, тем не менее, не может изменить характера тех вопросов, которые рассматриваются Уставом как процедурные, т.е. оно не может превратить их в вопросы по существу.

Поэтому я хочу от имени моего правительства заявить, что Соединенные Штаты не считают

это прецедентом. Я утверждаю, что то, что мы сейчас сделали, является прецедентом только постольку, поскольку речь идет о заключении Председателя; что это не изменяет истинного характера резолюции такого рода и что если мы встретимся опять с таким же положением, мы не будем считать себя связанными принятым сегодня решением, будем утверждать, что речь идет о процедурном вопросе, как это понимается в Уставе, и пойдем по пути, которому мы следовали сегодня.

С самого начала рассмотрения этого вопроса Соединенные Штаты настаивали, что мир должен быть полностью осведомлен о вопросах, стоящих перед Советом Безопасности. Именно по этой причине Соединенные Штаты предложили официальную резолюцию, принятую на 278-м заседании Совета Безопасности, в которой представитель Чехословакии приглашался присутствовать на заседаниях Совета [документ S/711]. Именно по этой причине мы поддержали проект резолюции, предложенный представителем Чили 12 апреля на 281-м заседании и внесенный на рассмотрение Совета Аргентиной, проект, по которому мы сегодня голосовали, потому, что в согласии со статьей 29, в этом проекте предусматривалось учреждение подкомитета для заслушивания дальнейших показаний по обвинениям, представленных Совету Безопасности, что помогло бы установить факты.

В настоящем случае применение вето было попыткой помешать выполнению этого намерения, заключавшемуся в том, чтобы обеспечить самое беспристрастное осведомление мира о всех аспектах чехословацкого вопроса. Ответственность за эту попытку всецело лежит на СССР. Более того, отказ чехословацкого представителя — в письменной форме 8 апреля 1948 г., как указано в документе S/718, — от присутствия на заседаниях Совета Безопасности, упорные усилия со стороны представителей Украинской ССР и СССР затемнить вопрос, находящийся на рассмотрении Совета Безопасности, путем множества утверждений, обвинений и исторических справок, не имеющих отношения к делу, и, наконец, наложенное СССР вето — ни в какой мере не помогают рассеять серьезные подозрения, которые могут возникнуть в результате обвинений в иностранном вмешательстве в дела Чехословакии, сделанных в первоначальной жалобе [документ S/694] и нашедших свой отклик в ходе обсуждения в Совете Безопасности.

Я считаю, что Совет Безопасности не должен останавливаться на этом. Совет осведомлен о том, что имеются показания, относящиеся к фактической стороне этого дела. Несколько выдающихся политических деятелей, пользовавшихся полным уважением в своей стране, в настоящее время бежали из Чехословакии. Среди них имеются бывшие члены правительства, генеральные секретари некоммунистических партий и члены парламента. Те из них, которые занимали выборные должности, были избраны на них чехословацким народом во время последних свободных выборов в Чехословакии. Эти люди теперь ищут убежища вне своей собственной страны.

У цивилизованных наций существует давно установившийся обычай предоставлять убежище достойным лицам, подвергающимся преследованию за их политические взгляды. Этим беженцам из Чехословакии был предоставлен приют в разных странах, в том числе и в моей собственной стране. Эти чехословацкие беженцы находились в своей стране во время февральских событий. Они, без сомнения, имели доступ к источникам информации. Информация, которая может быть предоставлена этими беженцами, должна фигурировать в протоколах Совета Безопасности. Я думаю, что это можно сделать путем принятия соответствующего решения членами Совета Безопасности.

Что касается нас, то мы готовы принять заявления этих чехословацких беженцев, которые имеют относящуюся к этому делу информацию и которые пользуются правом убежища в зоне Соединенных Штатов в Германии или в самих США. Мы готовы представить эти заявления Совету Безопасности. Мы надеемся, что и другие члены Совета Безопасности последуют нашему примеру в отношении чехословацких беженцев, которые могут оказаться на территории, находящейся под их юрисдикцией.

Таким образом, несмотря на то обстоятельство, что наложение вето воспрепятствовало Совету Безопасности принять конкретные меры, Совет будет иметь в своем распоряжении добавочный материал, относящийся к обвинениям, выдвинутым в этом вопросе.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (говорит по-французски): У меня записано еще несколько ораторов, в том числе и представитель СССР. Но нам нужно также заняться палестинским вопросом, по которому у меня имеется несколько срочных сообщений; поэтому я прошу представителя СССР согласиться на то, чтобы отложить свое выступление до нашего следующего заседания, послезавтра, в среду.

А. А. ГРОМЫКО (Союз Советских Социалистических Республик) (говорит по-английски): У меня имеется заявление в связи с заявлением представителя Соединенных Штатов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (говорит по-французски): Могли ли бы вы высказаться кратко?

А. А. ГРОМЫКО (Союз Советских Социалистических Республик): Я сказал «по возможности».

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (говорит по-французски): Я хотел бы получить от вас определенное обещание.

А. А. ГРОМЫКО (Союз Советских Социалистических Республик): Я буду говорить всего несколько минут.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (говорит по-французски): Речь идет о том, какого порядка работы мы будем придерживаться.

А. А. ГРОМЫКО (Союз Советских Социалистических Республик): Я имею право, по крайней мере, на такое же длинное заявление, какое

сделал представитель Соединенных Штатов, но я не собираюсь так долго говорить.

Х. АРСЕ (Аргентина) (говорит по-французски): Это также и мое право.

А. А. ГРОМЫКО (Союз Советских Социалистических Республик): Я не буду касаться всех вопросов, которые затронул в своем заявлении представитель Соединенных Штатов, потому что это возвратило бы нас назад к той дискуссии, которую мы имели в ходе обсуждения чехословацкого вопроса.

Я хочу лишь обратить внимание представителя Соединенных Штатов на то, что Соединенные Штаты не могут так легко отказаться от обязательств, взятых на себя их правительством на основании заявления в Сан-Франциско. Обязательства взяла на себя страна. Могут меняться правительства, может меняться состав правительства, могут меняться и заменяться министры иностранных дел и представители Соединенных Штатов в Совете Безопасности, но страна, взявшая на себя обязательство по этому заявлению, не может так легко от него отказаться, как это представляет себе представитель Соединенных Штатов. Эти обязательства являются частью обязательств, взятых на себя пятью державами по Уставу Организации Объединенных Наций.

Г-н Остин пугает советских представителей тем, что им приходится прибегать к так называемому двойному вето. Я просил бы не пугать нас двойным вето. Мы пользуемся своим правом для того, чтобы оградить суверенитет Чехословакии, для того, чтобы не позволить Соединенным Штатам или Совету Безопасности — точнее большинству Совета Безопасности — вмешиваться во внутренние дела Чехословакии, как суверенного государства. Это — наше право.

Представитель Соединенных Штатов заявляет, что его правительство и американские власти в Германии готовы представить заявления и показания некоторых политических беглецов из Чехословакии, которые Совет Безопасности может использовать в связи с чехословацким вопросом. Мы не сомневались в том, что правительство Соединенных Штатов и некоторые другие правительства, которые поддерживают американцев в этом вопросе, готовы подбирать всяких политических куртизанов, которые ютятся в притонах Западной Германии, в Лондоне и в Нью-Йорке. У нас не было сомнений на этот счет. Но одна вещь должна быть ясна: что попытки определенных кругов Соединенных Штатов сломить независимую политику правительства Чехословакии провалились. Неважно, сколько будет представлено заявлений — одно, два, три, пять или десять — от этих куртизанов. Политически Соединенные Штаты и те, кто по их заказу выполнял поручения в связи с обращением с этим вопросом в Совет Безопасности, провалились. Это вы и сами фактически признаете. Вы не смогли предложить никакой другой резолюции, кроме резолюции, состоящей в том, чтобы заслушать некоторых политических беглецов, которых выдворил сам народ Чехословакии. Вы не смогли предложить какую-либо

конкретную резолюцию, обвиняющую правительство Чехословакии или Советский Союз, потому что у вас никаких фактов нет.

Разумеется, я обращаюсь к тем, кто организовал обсуждение всего этого чехословацкого вопроса, всей этой авантюры, как я ее уже неоднократно называл, в Совете Безопасности.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-французски*): Представитель Чили настойчиво просит меня позволить ему сделать краткое заявление Совету еще сегодня вечером. Я предоставляю ему слово.

Э. САНТА-КРУС (Чили) (*говорит по-испански*): С тех пор как мы согласились, по указанным мною ранее причинам, которые были признаны здесь основательными, обсуждать в Совете Безопасности серьезные обвинения, выдвинутые представителем Чехословакии г-ном Папанеком, представители СССР все время заявляют, что это клевета и ложь, и забрасывают нас всякого рода оскорблениями и бранью, как это они вновь делают сегодня. Они, несомненно, пытались задержать рассмотрение этого вопроса и вообще воспрепятствовать его обсуждению. Их попытка провалилась, как в одном, так и в другом отношении. Единодушным решением девяти представленных здесь демократических держав этот вопрос был поставлен на повестку дня, и — дважды — тем же числом голосов было решено, что Совет заслушает г-на Папанека. И наконец, те же самые девять членов Совета признали, что эта жалоба настолько серьезна, что обвинения, сформулированные г-ном Папанеком настолько важны и представленные им доказательства, настолько логичны и убедительны, что необходимо назначить подкомитет для заслушивания показаний заслуживающих доверия свидетелей и рассмотрения соответствующих документов и поручить ему представить Совету доклад.

Тем не менее, это проявление воли девяти из одиннадцати членов Совета, очевидно, не поведет ни к каким положительным результатам, по той причине, что один из представителей обвиняемой страны — представитель страны, против которой имеются веские доказательства, что Чехословакия является жертвой косвенной агрессии с ее стороны, потому что эта страна способствовала свержению законного правительства Чехословакии и замены последнего вождями партии, находящейся под ее управлением — не желает, чтобы эти доказательства и эта информация были заслушаны.

Мне кажется, что этот случай войдет как самый позорный в анналы Организации Объединенных Наций.

От имени моего правительства я протестую против тех неопишуемых злоупотреблений, к которым прибегает делегация Союза Советских Социалистических Республик. Представитель СССР на одном из первых заседаний, на котором обсуждался этот вопрос, сказал нам, что страна, которая подняла вопрос о Чехословакии в Организации Объединенных Наций, и страны, которые поддерживали ее точку зрения, подрывают престиж и самый принцип Организации и поощряют нарушение Устава. А теперь, эти самые

члены Совета, которые не упускают ни одного случая — здесь или в других Советах или комиссиях — выдавать себя за защитников беспристрастного и строгого толкования Устава, не задумываются нарушать его самым открытым образом.

Напрасно им было указано самым ясным образом, что это только резолюция, принимаемая на основании статьи 29; напрасно было установлено, в самой определенной форме, что речь не идет о назначении комитета по расследованию, а только подкомитета Совета, который заслушает шесть или семь свидетелей точно так же, как Совет в целом заслушал г-на Папанека; напрасны были указания на законность, и на правила процедуры, напрасен был даже призыв к здравому смыслу, чтобы доказать, что трудно найти резолюцию более процедурного характера, чем эта. Представитель СССР воспользовался, или вернее злоупотребил тем, что он считает своим правом, а именно — вето.

Я также вынужден отметить, что представитель СССР совершил дальнейшее серьезное нарушение Устава. Пункт 3 статьи 27 гласит, что «сторона, участвующая в споре, должна воздержаться от голосования при принятии решения на основании главы VI и на основании пункта 3 статьи 52». Я полагаю, что нет никакого сомнения в том, что в настоящем случае СССР — сторона, участвующая в споре, ибо следует предполагать, что спором называется не только прямое столкновение интересов между двумя государствами-членами Организации, но также и любое разногласие, возникающее из противоречия в позициях, занимаемых государствами, если любое государство передает это разногласие на рассмотрение Совета Безопасности. Под это определение, несомненно, подходит и тот случай, когда одно из государств, независимо от того, заинтересовано ли оно непосредственно в этом вопросе, использует свое право, согласно статье 35, и предъявляет другому государству обвинение в нарушении Устава. Цель пункта 3 статьи 27 — воспрепятствовать члену Совета быть одновременно как судьей, так и стороной в деле, и принимать участие в вынесении решения, которое может быть направлено против него самого. Это именно то, что сейчас сделал Союз Советских Социалистических Республик.

Я должен признаться, что я доволен, что представитель СССР пошел по этому пути, хотя бы потому, что он не достиг своей цели, а именно, помешать занесению показаний свидетелей в протокол Совета Безопасности или других органов Объединенных Наций. Представитель СССР не сможет достигнуть этого, даже если он еще десять раз наложит свое вето: это видно из только-что сделанного заявления представителя Соединенных Штатов Америки. С другой стороны, представитель Союза Советских Социалистических Республик ясно показал, что СССР боится даже поверхностного расследования вопроса о Чехословакии. Своим поведением он дал нам в руки лишнее доказательство в пользу обвинения. Более того, он нам ясно показал, что хотя Союз

Советских Социалистических Республик заверяет о своей преданности Уставу, он, тем не менее, готов нарушить его всякий раз, когда это отвечает его целям. Он также показал, что в подобных случаях Союз Советских Социалистических Республик прибегает к совершенно противоречивым аргументам и занимает совершенно непоследовательные позиции.

Наконец, представитель СССР оказал большую услугу тем, кто считает, что пришло время упорядочить вопрос о так называемом вето, для того чтобы воля одного из членов Организации Объединенных Наций не могла впредь служить помехой Совету Безопасности при выполнении им одной из своих основных обязанностей.

77. Продолжение обсуждения палестинского вопроса

По приглашению Председателя, представитель Египта Махмуд Фаузи-бей, представитель Ливана Дж. Хаким, представитель Высшего арабского комитета Джамал Хуссейн-бей и представитель Еврейского агентства для Палестины О. Эбан занимают места за столом Совета.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-французски*): Я должен сделать Совету Безопасности ряд сообщений по палестинскому вопросу.

Во-первых, вы наверное уже слышали печальную новость о смерти представителя Соединенных Штатов в Комиссии по перемирию Т. Уассона. Г-н Уассон погиб при выполнении своих обязанностей, возложенных на него Советом Безопасности. Я уверен, что я выражаю ваши чувства, воздавая должное его памяти. От вашего имени я послал его семье следующую телеграмму с выражением соболезнования:

«Совет Безопасности, глубоко взволнованный кончиной Томаса Уассона, павшего в Иерусалиме жертвой дела мира при оказании содействия Комиссии по перемирию, просит вас принять его заверения в глубоком сочувствии и благодарности за сотрудничество покойного, для которого он не пожалел своей жизни».

Во время сегодняшнего заседания я получил ответ на эту телеграмму и благодарность за нее.

Мое второе сообщение я делаю не в качестве председателя Совета Безопасности, а от имени моей делегации, по приказу моего правительства, которое предложило мне огласить следующее заявление:

«Ввиду развития военных действий в Иерусалиме, французское правительство считает своей обязанностью обратиться к Совету Безопасности с срочным призывом обеспечить охрану Святых Мест, которые в настоящее время находятся в центре ожесточенных боев и под угрозой совершенного разрушения.

Госпитали, монастыри, музеи и разного рода учреждения занимаются то одной стороной, то другой, и те из них, которые подвержены артиллерийскому и минометному огню, находятся под угрозой совершенного разрушения. Мир не может остаться равнодушным зрителем уничтоже-

ния сокровищ духовного богатства, плодов терпеливых, вековых усилий и достижений цивилизации, в которых Франция приняла большое участие, которым она гордится.

Французское правительство глубоко сожалеет, что его предложение о создании специального режима в Иерусалиме для обеспечения охраны Святых Мест не было принято Организацией Объединенных Наций. Французское правительство твердо надеется, что принятая Советом Безопасности 22 мая резолюция [документ S/773] в которой сторонам предлагается воздерживаться впредь от военных действий в Палестине и, в первую очередь, приступить к переговорам по заключению перемирия в Иерусалиме и по соблюдению такового, вызовет немедленное действие и положит конец трагедии, за развитием которой весь мир следит с замираньем сердца.

Французское правительство кроме того заявляет, что оно готово поддержать любое предложение, преследующее ту же цель и те же задачи, что и предложение, которое французское правительство имело честь внести в Организацию Объединенных Наций, и готово принять участие в любом мероприятии, которое приведет к восстановлению спокойствия и поддержанию мира в Иерусалиме».

Из розданных вам документов, самый важный — это ответ Еврейского агентства [документ S/779] на обращение Совета Безопасности от прошлой субботы.

За этой телеграммой последовала вторая [документ S/780], в которой Совет уведомляется, что ливанская артиллерия в 21 ч. 30 м. открыла огонь со своей стороны границы у Рамат-Нафтали.

Я также получил несколько ответов от арабских государств.

Зачитываются следующие телеграммы:

а) Телеграмма из Бейрута, адресованная Генеральному Секретарю

«Имею честь подтвердить получение вашей телеграммы № 58, прибывшей сюда по истечении указанного срока. Этот срок недостаточен для обмена мнениями между арабскими правительствами. Наше решение будет немедленно передано вам нашим представителем.

Гамид ФРАНДЖИ,
министр иностранных дел Ливана»

б) Телеграмма из Дамаска, адресованная Председателю Совета Безопасности

«Ответ сирийского правительства на вашу телеграмму относительно Палестины будет сообщен вам нашим представителем в Организации Объединенных Наций Фарисом Эль-Хури.

Джамилл МАРДАМ-бей,
министр иностранных дел Сирии»

с) Телеграмма от делегации Ирака при Организации Объединенных Наций, адресованная Генеральному Секретарю

«Имею честь сообщить вам, что, согласно резолюции Совета Безопасности от 22 мая 1948 г. относительно прекращения огня в Палестине, мое правительство дало мне инструкции сооб-

ить вам, что ваша телеграмма об этой резолюции была задержана в Багдаде при приеме по причине force majeure. К сожалению, оставшийся срок слишком короток для того, чтобы мое правительство могло принять решение по столь важному вопросу, и я уверен, что вы понимаете, что мы должны снестись по нему с правительствами других арабских государств. Мое правительство уделяет все свое внимание рассмотрению этого вопроса, и я незамедлительно сообщу вам результаты, как только меня уведомят о них.

Наджи Эль-АЗИЛЬ.

Ф. Эль-ХУРИ (Сирия) (*говорит по-английски*): Я получил сегодня от моего правительства телеграмму того же содержания, что и телеграмма, посланная Генеральному Секретарю, а именно, что этот вопрос затрагивает семь государств Арабской лиги, находящихся на значительном расстоянии друг от друга, и так как при данных обстоятельствах связь между ними затруднена, то они должны будут собраться для обсуждения этого вопроса и представят свой ответ, как только он будет готов.

У меня есть также телеграмма от генерального секретаря Арабской лиги:

«Я созвал заседание политического комитета Арабской лиги, в составе министров иностранных дел соответствующих государств, для рассмотрения резолюции Совета Безопасности о прекращении огня. Прошу вас сообщить Совету Безопасности, что указанный им срок недостаточен для проведения заседания и необходимого рассмотрения этого вопроса, и что политический комитет просит Совет Безопасности продлить его так, чтобы дать возможность государствам посоветоваться и обменяться мнениями на заседании, которое состоится завтра утром в Аммане».

Поэтому я думаю, что мы не можем ждать определенного ответа до среды утром или даже днем, т. е. по крайней мере, не ранее, чем через 48 часов.

Сэр Александр КАДОГАН (Соединенное Королевство) (*говорит по-английски*): Мое правительство дало мне инструкции поддержать предложение о дальнейшем продлении срока, только что сделанное представителем Сирии. Как я понимаю, обмен мнениями между арабскими государствами затрудняется недостаточностью связи и т. д. и поэтому, повидимому, им следовало бы предоставить больше времени. И действительно, первоначальный срок был очень краток, и я надеюсь, что Совет Безопасности согласится продлить его на 48 часов.

Махмуд ФАУЗИ-бей (Египет) (*говорит по-английски*): Я уполномочен заявить, что если этот срок будет продлен, то египетское правительство будет в состоянии дать свой ответ в указанное время.

В. А. ТАРАСЕНКО (Украинская Советская Социалистическая Республика): Господин Председатель, я хочу через ваше посредство задать вопрос представителю Сирии: как он полагает

— в эти 48 часов будут происходить военные действия или нет?

Ф. Эль-ХУРИ (Сирия) (*говорит по-английски*): В моем распоряжении нет сведений по этому вопросу; я ничего об этом не знаю. Я сообщил Совету Безопасности ту информацию, которую я получил.

А. А. ГРОМЫКО (Союз Советских Социалистических Республик): Я хочу поставить еще один вопрос представителю Сирии и представителю Египта: может быть арабские государства дадут приказ своим войскам прекратить военные действия, а затем уже будут консультироваться в течение 48 часов?

Ф. Эль-ХУРИ (Сирия) (*говорит по-английски*): Предстоящее совещание будет касаться вопроса о том, следует ли отдать приказ о прекращении огня. Поэтому, если арабские государства отдали бы такой приказ сейчас, то не было бы надобности в совещании.

О. ЭБАН (Еврейское агентство для Палестины) (*говорит по-английски*): Я хотел бы только, чтобы в протокол было занесено мнение временного правительства Израиля, а именно, что предложение предоставить дополнительные тридцать шесть часов для дальнейшей резни в Иерусалиме и в остальных частях Палестины — совершенно абсурдно. Если для совещания требуется 48 часов или более, то разве это совещание не может происходить без того, чтобы снаряды падали на Иерусалим или чтобы самолеты бросали бомбы на Тель-Авив? Мы согласны с тем, что связь на Ближнем Востоке — плохая, но население отнюдь не должно расплачиваться жизнью за плохую связь.

Джамал ХУССЕЙНИ-бей (Высший арабский комитет) (*говорит по-английски*): От моего собственного имени и от имени моего народа я хочу выразить глубокое сожаление в связи с понесенными консульством Соединенных Штатов в Иерусалиме потерями, а также в связи с гибелью консула.

Я должен отметить, что некоторые еврейские источники заявляют в местной и иной печати, будто пули, поразившие консула и других членов консульства, пришли с арабской стороны. Фактически, всякий кто знает здание, в котором были убиты консул и его подчиненные, знает также, что все здания, окружающие это место, за исключением здания, находящегося позади и через которое невозможно проникнуть, заняты еврейскими вооруженными силами. Поэтому физически невозможно, чтобы эти выстрелы были произведены с арабской стороны.

Также было заявлено, что один из убитых находился между зданием УМСА и консульством Соединенных Штатов Америки. Вероятно, теперь хорошо известно, что все те, кто находился в УМСА были либо арабами либо европейцами, нападшими там убежище несколько дней тому назад, и непостижимо, чтобы эти люди, которые были приняты туда в качестве беженцев, имели на руках оружие и стреляли во входящих в это здание или выходящих из него.

Что же касается обстрела Иерусалима, то я должен напомнить Совету Безопасности, что приблизительно 10 мая представитель Сирии получил информацию от генерального секретаря Арабской лиги, в которой указывалось об окончательном согласии арабов на перемирие в Иерусалиме на известных условиях, уже принятых Еврейским агентством для Палестины. Вслед за тем мы узнали, однако, что Еврейское агентство ничего не знало об этом.

Позднее, Совет Безопасности получил телеграмму от одного из членов Комиссии по перемирию в Иерусалиме с сообщением, что когда арабы направлялись во французское консульство для переговоров об условиях перемирия, они подверглись обстрелу и не могли достигнуть консульства, потому что, повидимому, перемирие не в интересах евреев.

Наша позиция в отношении перемирия в Иерусалиме хорошо известна из телеграммы генерального секретаря Арабской лиги и нас нельзя обвинять в существующем положении в Иерусалиме.

У. Р. ОСТИН (Соединенные Штаты Америки) *(говорит по-английски)*: Соединенные Штаты глубоко ценят быстрое согласие временного правительства Израиля и выраженную им готовность провести в жизнь, в кратчайший срок, резолюцию о прекращении огня, принятую Советом Безопасности. Но мы считаем, что заявление, сделанное здесь сегодня о затруднительности связи, как непреодолимым препятствием, — достаточно обосновано, чтобы продлить срок, о чем просят арабские государства. Поэтому мы высказываемся в пользу предложения о продлении его.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ *(говорит по-французски)*: Я хотел бы присоединиться к тому, что только что было сказано о Еврейском агентстве.

Я также думаю, что будет только справедливо признать, что арабские государства испытывают трудности в вопросе связи и что это еще более усложняет для них вопрос о сообщении их ответа. При этих условиях, я лично также присоединяюсь к переданной Совету Безопасности просьбе о продлении срока.

Я считаю, что мы могли бы указать, что срок продлевается, скажем, до 12 ч. дня в среду. Считаете ли вы этот срок чрезмерно большим? Мне кажется, что 12 ч. дня в среду, это примерно то, о чем просил представитель Сирии.

В. А. ТАРАСЕНКО (Украинская Советская Социалистическая Республика): Можно пола-

гать, что эти 48 часов являются предельным сроком и больше не последует оттяжки с ссылкой на те или иные обстоятельства?

Ф. Эль-ХУРИ (Сирия) *(говорит по-английски)*: Согласно полученным мною сведениям, совещание арабских государств состоится завтра, во вторник, в Аммане. Участники совещания не просили о каком-либо определенном сроке, а просто объяснили положение. Я думаю, что они смогут прийти к решению и сообщить его нам. Может быть мы его получим завтра вечером или около полудня в среду, или позднее. Это только мое личное предположение, но я думаю, что оно правильно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ *(говорит по-французски)*: Я хотел бы избежать недоразумения. Речь идет о продлении на сорок восемь часов — начиная с полудня, сегодня, (и кончая в полдень, в среду) — срока, предусмотренного предыдущей резолюцией Совета Безопасности, в которой требуется отдать приказ о прекращении огня в течение этого времени.

Так как замечаний нет, то я считаю, что члены Совета согласны с этим.

Мы должны избегать всяких недоразумений с еврейской стороны. Вот почему я прошу представителя Еврейского агентства немедленно лично уведомить компетентные власти, чтобы положение было для них ясным. Я также прошу представителей арабских государств лично передать это сообщение.

Ф. Эль-ХУРИ (Сирия) *(говорит по-английски)*: Как только закончится заседание, мы пошлем им телеграмму.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ *(говорит по-французски)*: Я прошу представителя Еврейского агентства сделать то же самое.

О. ЭБАН (Еврейское агентство для Палестины) *(говорит по-английски)*: Хорошо.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ *(говорит по-французски)*: Чтобы с еврейской стороны не создалось впечатления, будто арабы отказались от этого предложения, я должен пояснить, что речь идет только об отсрочке.

Если нет возражений, то Совет Безопасности вновь соберется в среду 26 мая в 10 ч. 30 м. утра для обсуждения вопросов об Индии и Пакистане, Чехословакии и Палестине и, если в этом будет необходимость, мы соберемся вторично после полудня.

Заседание закрывается в 8 ч. 25 м. вечера.

СКЛАДЫ ИЗДАНИЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

АВСТРАЛИЯ

H. A. Goddard Pty. Ltd.
255a George Street
Sydney, N.S.W.

АРГЕНТИНА

Editorial Sudamericana S.A.
Alsina 500
Buenos Aires

БЕЛЬГИЯ

Agence et Messageries de la
Presse, S.A.
14-22 rue du Persil
Bruxelles

БОЛИВИЯ

Libreria Cientifica y Literaria
Avenida 16 de Julio, 216
Casilla 972
La Paz

ВЕНЕСУЭЛА

Escritoria Pérez Machado
Conde a Piñango 11
Caracas

ГАИТИ

Max Bouchereau
Librairie "A la Caravelle"
Boîte postale 111-B
Port-au-Prince

ГВАТЕМАЛА

José Goubaud
Goubaud & Cia. Ltda.
Sucesor
5a Av. Sur No. 6 y 9a C. P.
Guatemala

ГРЕЦИЯ

"Eleftheroudakis"
Librairie internationale
Place de la Constitution
Athènes

ДАНИЯ

Einar Munksgaard
Nørregade 6
København

ДОМИНИКАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Libreria Dominicana
Calle Mercedes No. 49
Apartado 656
Ciudad Trujillo

ЕГИПЕТ

Librairie "La Renaissance
d'Egypte"
9 Sh. Adly Pasha
Cairo

ИНДИЯ

Oxford Book & Stationery Co.
Scindia House
New Delhi

ИРАК

Mackenzie & Mackenzie
The Bookshop
Baghdad

ИРАН

Bongah Piaderow
731 Shah Avenue
Teheran

ИСЛАНДИЯ

Bokaverzlun Sigfusar
Eymundsonnar
Austurstreti 18
Reykjavik

КАНАДА

The Ryerson Press
299 Queen Street West
Toronto

КИТАЙ

The Commercial Press Ltd.
211 Honan Road
Shanghai

КОЛУМБИЯ

Libreria Latina Ltda.
Apartado Aéreo 4011
Bogotá

КОСТАРИКА

Trejos Hermanos
Apartado 1313
San José

КУБА

La Casa Belga
René de Smedt
O'Reilly 455
La Habana

ЛИВАН

Librairie universelle
Beyrouth

ЛЮКСЕМБУРГ

Librairie J. Schummer
Place Guillaume
Luxembourg

НИДЕРЛАНДЫ

N. V. Martinus Nijhoff
Lange Voorhout 9
s'Gravenhage

НИКАРАГУА

Ramiro Ramírez V.
Agencia de Publicaciones
Managua, D. N.

НОВАЯ ЗЕЛАНДИЯ

Gordon & Gotch, Ltd.
Waring Taylor Street
Wellington
United Nations Association
of New Zealand
P. O. Box 1011 G.P.O.
Wellington

НОРВЕГИЯ

Johan Grundt Tanum Forlag
Kr. Augustgt. 7A
Oslo

ПЕРУ

Libreria internacional
del Peru, S. A.
Casilla 1417
Lima

ПОЛЬША

Spółdzielna Wydawnicza
"Czytelnik"
38 Poznańska
Warszawa

СИРИЯ

Librairie universelle
Damas

СОЕДИНЕННОЕ КОРОЛЕВСТВО

H. M. Stationery Office
P. O. Box 569
London, S.E. 1
and at H.M.S.O. Shops in
London, Belfast, Birmingham,
Bristol, Cardiff, Edinburgh
and Manchester

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ

International Documents Service
Columbia University Press
2960 Broadway
New York 27, N. Y.

ТУРЦИЯ

Librairie Hachette
469 Istiklal Caddesi
Beyoglu-Istanbul

УРУГВАЙ

Oficina de Representación
de Editoriales
Av. 18 de Julio 1333 Esc. 1
Montevideo

ФИЛИППИНЫ

D. P. Pérez Co.
132 Riverside
San Juan, Rizal

ФИНЛЯНДИЯ

Akateeminen Kirjakauppa
2, Keskuskatu
Helsinki

ФРАНЦИЯ

Editions A. Pedone
13, rue Soufflot
Paris V^e

ЧЕХОСЛОВАКИЯ

F. Topic
Narodni Trida 9
Praha 1

ЧИЛИ

Edmundo Pizarro
Merced 846
Santiago

ШВЕЙЦАРИЯ

Librairie Payot S. A.
Lausanne, Genève, Vevey,
Montreux, Neuchâtel,
Berne, Basel
Hans Raunhardt
Kirchgasse 17
Zurich

ШВЕЦИЯ

A.-B. C. E. Fritze's Kungl.
Hofbokhandel
Fredsgatan 2
Stockholm

ЭКВАДОР

Muñoz Hermanos y Cía.
Nueve de Octubre 703
Casilla 10-24
Guayaquil

ЭФИОПИЯ

Agence éthiopienne
de publicité
P. O. Box 8
Addis-Abeba

ЮГОСЛАВИЯ

Drzavno Preduzece
Jugoslovenska Knjiga
Moskovska ul. 36
Beograd

ЮЖНО-АФРИКАНСКИЙ СОЮЗ

Central News Agency
Commissioner & Rissik Sts.
Johannesburg; and at
Capetown and Durban